

53.3(2К4)

К17



В. КАЛАЧЕВ

# СОЛДАТЫ КИРГИЗИИ

(В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ)

Книга должна быть возвращена не  
позже указанного здесь срока

Количество предыдущих выдач \_\_\_\_\_

13/11-94

63.3(2Кы)  
К 17

В. КАЛАЧЕВ

# СОЛДАТЫ КИРГИЗИИ

(В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ)

*Биб. Голос  
ин. А. 375*

ОШСКАЯ  
ОБЛАСТНАЯ  
БИБЛИОТЕКА  
ИНВ N 435069

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КЫРГЫЗСТАН»  
ФРУНЗЕ — 1974

АБОНЕМЕНТ

Калачев В.

К 17 Солдаты Киргизии. (В огненном кольце). Ф.,  
«Кыргызстан», 1974. ©

80 с. илл.

20 см. 12.000 экз. 15 к.

Автор этой книги — ветеран Советской Армии, полковник в отставке В. А. Калачев. В ней он рассказывает о своей юности, о борьбе с белогвардейскими бандами, с басмачами, о формировании киргизских национальных частей, о товарищах по оружию.

9 (54)

122—150  
М 451(17)—74 51—74

**ЮНОСТЬ  
НАША  
БОЕВАЯ**

Февраль в этих местах буранный, выюжный, морозный. Укутанный в теплый бараний тулуп, молодой красноповардеец Василий несется на тройке по Семиреченскому тракту. На почтовых станциях, через каждые тридцать-сорок километров, он менял лошадей и поэтому двигался к Ташкенту с приличной скоростью. Тепло в лохматом тулупе, легко, почти без тряски, бегут по снегу сани, свободно текут в голове юноши мысли. Давно, очень давно не удавалось вот так спокойно подумать о себе, о том, что происходит вокруг: все бои да походы. Откровенно говоря, Василий очень гордился тем, что именно ему командующий красными войсками в Семиречье Иван Панфилович Белов поручил доставить донесение Михаилу Васильевичу Фрунзе.

— Поедешь в Ташкент с нашим донесением,— сказал командующий и добавил со значением:— Пакет надо передать лично Фрунзе.

Василий растерялся:

— Куда вы меня посылаете, Иван Панфилович! Отродясь не бывал в Ташкенте. В Верном-то я дикарем себя чувствую. Да еще к такому человеку посылаете, меня и близко к нему не подпустят, а вы даете наказ передать пакет лично в руки...

— Непременно примет,— улыбнулся командующий.— Товарищ Фрунзе — наш человек, из Пишпека. Простой и душевный. Твое дело передать пакет. А удастся момент, поговоришь о своей учебе. Вы же земляки...— И уже строгим тоном приказал:— Мандат подписан. Почтовые лошади заказаны. Ни минуты промедления. Желаю доброго пути. Пакет непременно вручить лично Михаилу Васильевичу Фрунзе.

В то время телеграф был основным средством связи с центром, однако в связи с тем, что телеграфные линии во многих местах были выведены из строя, посылали важные документы с нарочными. Так Василий отправил-

ся с важным поручением к полководцу М. В. Фрунзе. Но почему именно он?..

Василий вспомнил свою первую встречу с красными бойцами. В казачью станицу Копал, где он жил, прибыл большевистский отряд под командованием Мамонтова. Он без единого выстрела вошел в станицу, запрудил ее до отказа кавалерией, пехотой и обозом. Красногвардейцы были хорошо вооружены: у каждого карабин, ленты, набитые патронами. На поясах болтались бутылочные гранаты. Численность отряда не превышала пятисот человек.

Середина лета 1918 года в Семиречье была отмечена контрреволюционными вспышками. Организаторами и вдохновителями их были главным образом зажиточные казаки. Главари, чтобы склонить на свою сторону бедняков, запугивали их тем, что, мол, Советы отберут земли, скот, что казачество при Советской власти лишится всех привилегий. Коммунисты за равноправие...

В северных станицах — Сарканде, Лепсинске, Сергиополе — в то время проживало много переселенцев из европейских губерний. Они или придерживались нейтралитета, или становились на сторону Советов. Бедняцкое казахское и киргизское население начинало понимать, что Советская власть — это власть, которая выражает интересы народных масс. Но богатеи действовали хитро: где пряником, а где — и кнутом, и порой им удавалось добиваться своих целей.

Указывая на социальные основы казачьей донской контрреволюции В. И. Ленин говорил, что здесь мы имеем слон населения из богатых, мелких и средних землевладельцев одной из окраин России, сохранивших средневековые черты жизни, хозяйства, быта. Это определение полностью относилось к Семиреченскому казачеству.

Прибытие отряда Красной Гвардии в Копальский уезд главным образом было связано с тем, что в начале июня стали поступать тревожные сведения об угрозе вторжения контрреволюции и интервенции с севера, со стороны Семипалатинска. В районе Сергиополя появился белогвардейский отряд. Начались мятежи в селении Бахты и станице Урджар. Казаки захватили оружие. Начали формировать отряды. В Семипалатинске пала Советская власть. Колчаковские войска двигались на Семиречье. Для борьбы с контрреволюцией Семиреченский

облисполком направляет из Верного в Копальский и Лепсинский уезды несколько отрядов, в том числе отряд под командованием И. Е. Мамонтова, которые составили костяк Семиреченской Красной Армии.

По всей области объявляется военное положение.

На другой день после прибытия отряда возле станичного правления состоялся митинг. Когда на крыльце появились вооруженные люди, установилась настороженная тишина. Среди них выделялся мужчина среднего роста с черной бородой и красной ленточкой на кожаной фуражке. Гимнастерка обтягивала его ладную фигуру. На поясе в полированной деревянной кабуре болтался маузер, на груди висел бинокль.

— Товарищи копальцы, граждане!— Человек с маузером поднял руку.— Мы пришли, чтобы защищать трудящихся и бедноту. Отныне вся земля должна принадлежать беднякам. Наши враги — это помещики, купцы, офицерье и все, кто против Советской власти. Да здравствует мировая революция и ее вождь — Ленин!

Василий и его друг Женька Пухов, узнав, что оратором был сам начальник отряда Мамонтов, после митинга направились к дому, где он разместился. На крыльце их остановили.

— Стой! Вы, босяки, к кому!— спросил бородатый мужик в старой шинели с винтовкой в руках.

— К товарищу Мамонтову,— смело сказал Василий.

— К командиру?

— Да,— одним духом выпалили дружки.

Мужик сверкнул зубами, засмеялся.

— К чему он вам?

— В отряд хотим поступить.— Василий был настроен решительно.

— Молоды еще. В бабки вам играть, а не на войне воевать. Марш домой!

— Так мы же за Советскую власть воевать думаем,— умоляли пацаны.

— Вертайтесь домой,— строго проговорил часовой и отвернулся.

Парни, понурив головы, поплелись по пыльной улице.

На третий день, рано утром, отряд вытянулся в колонну и взял курс на Арасан — Абакумовское и Сарканд. В обозе отряда трясся Василий, который самовольно, без ведома родителей записался с лошадей и телегой в от-

ряд: подводы были нужны, и ему, конечно, не отказали. А у его друга лошади не было. Хотел Василий взять Женьку с собой, но побоялся. Домашние проводили слезами. Бабушка даже просила кого-то, чтобы внука не брали, да бесполезно: каждая лошадь в отряде была на счету.

Гордости Василия не было границ: он в отряде, впереди его ждут бои, подвиги, незнакомые станицы и города, в которых он будет устанавливать Советскую власть вместе с большевиками, может и увидит самого Ленина. Бывает же — выпадает счастье людям.

Но шла жестокая гражданская война, и счастье, как потом хорошо понял Василий, нужно было завоевывать с винтовкой в руках, ценой лишений, а иногда и жизни. В Сарканде подцепила молодого красногвардейца пуля из вражеской засады. Когда перевязывала руку молоденькая санитарка, из штаба примчался посыльный:

— Тебя начальник отряда требует!

Василий заторопился. Подошел он к штабу с робостью в душе, искренне недоумевая по поводу неожиданного вызова.

— Подходи ближе, не бойся! — ласково сказал начальник отряда, когда Василий вошел в хату. Мамонтов положил крепкую руку на его плечо.

— Говорят, ты закончил четыре класса высшего начального училища, так? Рука-то болит?

— Ничего, заживет.

— Ну, а стрелять умеешь, рубить шашкой можешь?

— Научусь Иван Егорович, — заторопился Василий. Увидите — научусь... Я ведь когда-то буквы не знал, а теперь вот четыре класса окончил... Я, Иван Егорович, все воинские уставы вызубрил.

— Молодчина! — похвалил Мамонтов. — Значит, хочешь стать военным?

— Да, — ответил Василий.

— Красным? — Василий не знал, что ответить, смутился. — Не смущайся парень... Как зовут тебя?

— Василий.

— Ну вот и познакомились. Так вот, Василий, согласен ли ты быть моим адъютантом?

Василий опешил, стал отказываться:

— Не справлюсь, Иван Егорович.

— Ничего, научим. Главное, чтобы ты знал за что воюешь. Кстати, скажи-ка, за что отряд дерется, проливает кровь?

— За Советскую власть! Долой капиталистов, буржуев, офицерье!

— Правильно мыслишь,— улыбнулся Мамонтов.— Так вот, от меня не отставать, куда я, туда и ты. Я в огонь и ты в огонь, я в воду и ты за мной!.. Плавать-то умеешь, на лошади едешь?

— Умею, на скачках участвовал.

— Тогда по рукам.— Мамонтов подал руку.— Сейчас найди трубача отряда Тимошку и скажи ему, что с сего числа ты его пачальник. Пусть найдет тебе лошадь, клинок и револьвер. И оба — ко мне!..

Да, Василий с самого детства мечтал стать военным. Видно, крепко запали пареньку в душу рассказы деда о том, как генерал Скобелев водил полки в атаку. Дед был лихим разведчиком, знаменитым на весь гренадерский полк рубакой. Сам турецкий главнокомандующий Осман-паша грозился поймать его, снять шкуру и натянуть на барабан. Лихую жизнь прожил дед...

Отец Василия служил в казачьих частях, домой наезжал редко, все хозяйство лежало на материнских плечах.

— «Ох,— вздохнул Василий.— Отец, отец...»

Во второй половине сентября в район Ак-Су начали скапливаться большие силы белоказачьих войск. Необходимо было найти скрытый подход к противнику. Решить эту задачу доверили троим: дяде Ефиму, бывалому солдату, добродушному человеку, молодому, но очень крепкому и ловкому киргизу по имени Мурза и Василию.

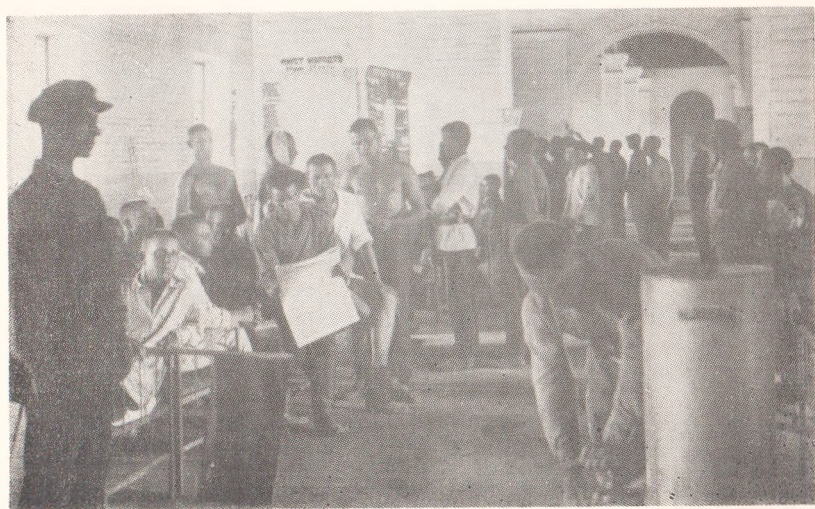
Вышли ночью. Перед рассветом остановились в неглубокой ложбине, прислушались и пригляделись. Через некоторое время метрах в двухстах показались и тут же скрылись три казака, видно, ночной секрет. Бойцы спрятались в густой высокой траве. Осторожно следуя за казаками, они выбрались из чащи и поднялись на вершину холма, чтобы хорошенько разглядеть местность. Кругом высились могучие горы с густым лесом, внизу, на плато, раскинулся небольшой хутор, к нему тянулась лента полевой дороги, а рядом извивалась в пологих берегах одна из семи рек Ак-Су.

В этом хуторе расположились до двух сотен казаков. Дядя Ефим решил взять пленного. Целый день развед-



В Ленинском уголке первого эскадрона Киргизского кавалерийского дивизиона (город Фрунзе, 1927 год).

В казарме первого эскадрона (1928 год).





Михаил Васильевич Фрунзе.

чики внимательно изучали местность, а затем наметили план действий: зайти в крайнюю избу, разбудить первого попавшего, вывести во двор, оглушить.

Спустившись с холма, красногвардейцы с большой осторожностью приблизились к избе, рядом с которой стояли, пофыркивая, лошади. Когда стали открывать дверь, послышался окрик:

— Кто там?

— Свои,— спокойно ответил дядя Ефим.

— Пропуск.

— Затвор,— сказал наугад дядя Ефим.

— Стоять, не шевелиться!

Товарищи Василия, поняв, что влипли, перескочили плетень и скрылись в ночной тьме. А Василий растерялся. Помешкав, бросился было наутек, да поздно: петля из толстой веревки перехватила шею. Чтобы не было улик, он выбросил револьвер и приготовился к самому худшему. К нему подошел коренастый казак в добротных сапогах и суконных шароварах с малиновыми лампасами. Вася подумал: «Сейчас будут пытаться... Выдержу ли?» Казак спросил:

— Откуда?

— Из Копала, ищу своих родных.

— А кто был с тобой?

— Копальские ребята.

— А чей револьвер?

— Не знаю.

— Нет, ты знаешь, антихристово семя! Отвечай, за чем явился!— крикнул казак и ударил Василия по голове. Он молчал.

— Языка лишился?.. Ну, дождешься ты у меня... Господин офицер,— крикнул казак.

Подошел офицер, насмешливым взглядом окинул Василия с ног до головы.

— В революционеры записался, щенок, землю решил отбирать?

— Мне земля не нужна,— Василий был готов ко всему, даже к смерти.

— Ишь как насобачился...— угрожающе просипел казак.

— А ну-ка, подведи его!— крикнул офицер.— Паршивец, совесть продал большевикам за пятиалтынный, иу-

да! Повесить его! Што ты там мямлишь?.. Говоришь, что сын урядника Калачева? В обозе, стало быть, служил?..

— Есть в Приилийском полку Калачев, это мой отец.

Василия под охраной доставили на заставу, где находился его отец. Встретились они без особого восторга.

— Допрашивай своего сына,— приказал офицер.

Отец замялся, отводя глаза, спросил:

— Ты, часом, не большевик, сынок?

— Нет, в партию не записывался.

— Так оставайся у нас.

Василий отрицательно покачал головой.

— Темный он у меня еще, господин сотник! Не поймет, что к чему...

— Нет, отец, я уже немного начал понимать, за что борется трудовой народ. Он борется за правое дело, за власть Советов. У красных есть казаки, те, которые сознательные...

Офицер хмыкнул презрительно, ударил нагайкой по сапогу.

— А где мать, бабушка, братишки?— спросил Василий отца.

— Они со мной, рады будут тебя видеть. Бабуся все время в слезах, здорово горюет о тебе. Брось свои Советы. Ты же казак, айда к нам добровольцем.

— Не пойду к вам,— упрямо ответил Василий.— Отпустите меня.— И заплакал. Офицер вытянул его нагайкой.

— Зачем он нам нужен, этот большевистский выкормыш,— свирепо сказал он и приказал:— Расстрелять!

Никакие уговоры отца не подействовали. Василия вывели на берег реки. Отец со слезами просил казаков не убивать сына.

Василий вспомнил родной дом, мать, бабушку, отряд, и так ему обидно стало, ведь по своей глупости попал в плен к белякам, и он в отчаянии закричал:

— Отец, помоги, спаси меня, сжался! Одна надежда на твою помощь!..

— Ну ладно, прыгай в воду,— глухо сказал один из казаков. И беги что есть духу. Бог с тобой.

Казаки дали в воздух два выстрела...

Василий зябко поежился — не от холода, в тулупе было тепло, а от воспоминаний. Да, война... Вот и Мамонтов погиб. Как это было?..

Стемнело. Внезапно налетел сильный жаркий ветер, Отряд пробирался к Сарканду степью, соблюдая меры предосторожности, чтобы внезапно, с двух сторон, навалиться на врагов. Вот уже показались огоньки, донеслись звуки выстрелов, тревожный лай собак.

Бежавший из станицы член дружины самозащиты сообщил, что карательный отряд жестоко расправляется со сторонниками Советов, многие уже расстреляны. В отряде, расквартированном по избам, около двухсот человек.

Сторожевое охранение белых, находившееся в крайних домах, оказалось беспечным. Его бесшумно сняли и отряд без единого выстрела ворвался в станицу. Бойцы освободили заключенных, которые выразили горячее желание принять участие в борьбе против белогвардейцев. С их помощью отряд до утра вылавливал белоказаков, укрывшихся на чердаках, в погребах, в стогах сена. Много беляков было уничтожено, взято в плен. Лишь единицам удалось скрыться. Отряд захватил около сотни лошадей, больше сотни винтовок и два пулемета.

В Сарканде в ряды отряда влилось много новых бойцов. Их вооружили отобранном у карателей оружием. Те, кому не хватило, сами раздобывали себе штыки, дробовики, кинжалы, острые вилы, самодельные пилки. Замученные и расстрелянные безвинные жители станицы были похоронены с почестями.

Когда был занят Лепсинск, перед глазами бойцов встала страшная картина. На площади лежали убитые красnogвардейцы. Раздвигая толпу, пробирался к убитым пожилой красnogвардеец. Он упал на колени перед трупами, осторожно повернул голову одного из них и вдруг замер.

— Это сын... Его сын,— пронесся над толпой шепот. Красnogвардеец вскочил на ноги.

— Буйная ты голова... Сынок мой!— захлебываясь слезами, кричал он.— Да это же мой сын!.. Ну, братва, жизнь отдам, мстить буду за своего сына!— Он еще что-то хотел сказать, но слезы затуманили его глаза, и он снова припал к лицу сына и долго рыдал.— Спи, мое дитя... Ты сделал свое...

В толпе зашумели:

— Не будет пощады бенякам за наших погибших товарищей!

В Лепсинском уезде до прихода отряда Советская власть как следует не укрепилась. Советы числились только на бумаге. Что вокруг делалось, никто не знал: ни газет, ни другой информации из Москвы не поступало. Многие верили тому, что власть Колчака распространилась на всю Россию. Во многих станицах вспыхивали бунты. Появились прокламации со строжайшим требованием арестовать всех советских руководителей и большевиков, выбирать станичных, сельских и волостных старшин, сдать оружие. За невыполнение приказов грозил расстрел.

В первой половине июля красногвардейский отряд, следуя к Сергиополю, очищал от белых банд северные станицы и хутора, находящиеся у подножья хребта Тарбыгатай. Сведения о противнике поступали непрерывно не только от своей разведки, но и от жителей станиц, находящихся на пути движения отряда.

В одной из станиц, расположенной между двух озер с непроходимыми камышами Уч-Арала, отряд сломил плохо организованную оборону противника и захватил в плен больше сотни человек, мобилизованных белыми для укомплектования своих новых формирований. В числе их были и офицеры.

Из сообщений офицеров явствовало, что появление отряда было неожиданностью. Они сообщили, что в Урджаре находится штаб формирования дивизии.

— Вы что — готовите людей убивать, своих братьев? — строго спросил начальник отряда Мамонтов у офицеров.

— Мы подчиненные, что прикажут, то и делаем.

— Вы враги Советской власти.

— А мы и не знаем, что она из себя представляет. Раньше царю верой и правдой служили, а теперь вот приказано служить Колчаку...

— Ну вот что, — приказал Мамонтов, — оружие сдать немедленно. Говорить с вами у меня нет времени. Мы сохраним вам жизнь. Идите и расскажите, как красногвардейцы Мамонтова поступают с пленными офицерами... А насчет Советской власти, господа офицеры, пока не поздно, вам следовало бы хорошенько подумать. Советская власть сильна!

Пленные, еще не веря в то, что их не расстреляют, затравленно озирались.

— Кругом, — скомандовал Мамонтов. — Бегом марш!

От Уч-Урала до Урджара оставалась добрая сотня километров. Отряд преодолевал это расстояние преимущественно в ночное время. В районе Рыбачьего бойцы остановились на дневку. Но отдохнуть не удалось: на людей налетели комары, слепни не давали покоя лошадям. Даже дымные костры не помогали.

По сведениям, полученным от разведки и пленных, в Урджаре находилась большая группа мобилизованных солдат и казаков, ожидавших доставки оружия.

Отряд на рассвете ворвался в станицу. Мощное «ура» взорвало утреннюю тишину. Паника охватила белогвардейский гарнизон, перепуганные беляки сшибали друг друга с ног, убегали от красногвардейцев, прячась по дворам и огородам.

Высланная в воскресный день разведка установила, что в сторону Сергиополя движется большая колонна противника с обозом и артиллерией. Колонна следовала на Урджар. Это было большой угрозой для отряда. Если не предупредить беляков, то к утру они будут в Урджаре.

Вражеский отряд растянулся на три километра, значит, в его составе находилось не менее полуторы тысячи беляков. Сила внушительная. Было решено немедленно выступить навстречу, внезапно атаковать, прежде чем походная колонна развернется в боевой порядок. Местность по своему характеру для боя была наиболее удобной в районе Благодатной, станицы, находившейся в десяти-пятнадцати километрах от Урджара: балки, перелески с кустарником, а рядом—подножье горного хребта.

Командиры подразделений роптали: «Лошади утомились, устали люди, спят на ходу, вываливаются из седел, много больных... Надо отдых людям и лошадям».

Лицо Мамонтова потемнело.

— Не сердчай, Иван Егорович, правду говорим. Если бы ты сам захотел поднять отряд, вряд ли бы получилось...

Мамонтов в душе соглашался с доводами своих командиров, он знал, что только огромное напряжение делало отряд боеспособным.

— Добро товарищи! Хватит четырех часов на отдых?.. Если не накроют беляки.

Перед рассветом отряд направился к месту боя. Белье не предполагали, что их атакуют на марше. Преодолев за переход сорок верст, они устали.

Отряд притаился в балке, выжидая удобный момент для нападения... Прошло охранение, показалась голова колонны. Отряд лавиной врезался в гущу боевого порядка врагов. Белогвардейцы бросились в стороны. Началось паническое бегство. Многие бежали в плен.

Однако главарей и командиров белоказачьей части Ярушина, который ехал принимать дивизию, схватить не удалось. Белогвардейский генерал Ярушин командовал разными частями и соединениями контрреволюционных сил Семиречья. Ярый монархист, он отличался исключительной жестокостью в обращении с населением. В итоге боя наш отряд захватил четыре орудия, много пулеметов и обоз с оружием, который предназначался для вновь формируемой дивизии.

Для преследования бежавших, хлынувших в сторону Сергиополя, был выделен особый конный отряд под командованием брата начальника отряда П. Е. Мамонтова. Красногвардейцы часть этой группы уничтожили, остальные разбежались.

В Сергиополь отряд вступил без единого выстрела. В городе скрывались красногвардейцы Петрова, которые рассказали о гибели его отряда. Сам начальник отряда бросил людей, смелодушничал, сеял нелепые слухи о том, что белых будто видимо не видимо, они вооружены до зубов. Предатель Петров был расстрелян как изменник Советской власти. Жители города говорили о бесчинствах и грабежах, которые учинили белогвардейцы. Созданный в Сергиополе военно-революционный комитет был разогнан. Большинство его работников расстреляно.

Горстка храбрецов, чудом спасшаяся от расправы, ушла в горы. Так возник отряд под названием «Горные орлы», который, взаимодействуя с черкасской обороной, почти целых два года внезапно нападал на врага. Находясь в глубоком тылу войск Анненкова, он причинял им много неприятностей. «Горные орлы» беспощадно клевали белоказачьи ряды. Об этом партизанском отряде и поныне ходят легенды.

Одно время командовал отрядом И. А. Горлач, отец и старший брат которого были казнены анненковцами.

На третий день пребывания отряда Мамонтова в Сергиополе стали поступать сведения, что неподалеку от города разбит красный отряд самозащиты. Бежавшие от расправы бойцы уверяли, что белоказачьи банды насчи-

тывают не менее тысячи солдат. Отряд решил дать бой белякам. Для этой цели на окраине, через которую белогвардейцы намеревались войти в город, были выставлены заставы. Как только голова колонны приблизилась, бойцы открыли огонь. Беляки не растерялись, развернулись и начали атаковать. Конница белых пошла в обход города с тем, чтобы перерезать пути отхода. В цепях шли сибиряки, преимущественно пожилые с крестами на груди, возбужденные белогвардейской агитацией. Шли упорно, настойчиво.

Силы оказались неравными. Защитники Сергиополя сумели продержаться всего лишь четыре часа, после чего оставили город. Сергиополь стал опорной базой колчаковцев в северном Семиречье.

Отряд Мамонова смел белоказачий заслон, быстро оторвался от вражеского преследования и взял маршрут на Урджар, чтобы соединиться со своими главными силами.

Первая ночевка была в станице Новотроицкой, километрах в пятидесяти от Сергиополя. Раздобыв продукты и фураж, отряд расположился биваком на окраине станицы. В это время к бойцам подошел человек средних лет, в казацкой фуражке. За плечами его болтался холщевый мешок, на левом боку висела шашка.

— Присаживайся, казак, гостем будешь,— пригласил его Мамонов.

— Благодарствую,— ответил казак.— Не откажусь. Он стал жадно есть. Поужинав, спросил:

— А вы, извиняюсь, кто такие будете? По одежде вроде бы на красных похожи... У ваших лошадей хвосты подрезаны. Винтовки, я заметил, носите через левое плечо...

— А тебе каких надо?

— Да мне бы красных надо повидать?

— А ты откуда идешь?

— Да отсюда недалеко. Из Благодатного я.

Видно, сердцем почувствовал казак доброту незнакомых ему людей. Повеселел, спросил:

— А закурить не найдется?

— Не откажем и в этом.

С наслаждением выпустив махорочный дым, казак продолжал:

— Вот найду лошадь и подамся к красным. Их, говорят, в горах много. А моя история проста. Я подрал-

ся с вахмистром и самовольно ушел. Мобилизованный я. Мне вот надо бы повидать самого красного атамана Мамонтова, и ему все начисто рассказать. На днях неподалеку от нашей станицы бой-то какой был. Много народу побито. Так им и надо, чтобы их черт побрал, этих беляков. Уж больно они издеваются над теми, кто заговорит про Советскую власть.

Все внимательно слушали.

— Говоришь, тебе надо самого Мамонтова повидать?— спросил, хитро улыбаясь, командир отряда.

— Непременно нужно!— подтвердил казак.

— Ну я и есть Мамонтов — говори!

Казак быстро вскочил на ноги, вытянулся.

— Чего испугался? Не съем. Говори, что хотел сказать.

Казак вдруг горько заплакал:

— Не убивайте меня, братцы! Видать, красные добрые люди, не звери, приласкали меня, накормили, дурную голову просветили. Я вас ищу вот уже четыре дня. Меня послали, чтобы Мамонтова пристрелить. Не могу я, рука не поднимается...

Казак вытащил из кармана револьвер и бросил его на землю, клинок воткнул в землю.

— Матерью божьей клянусь, что думка давно была до красных перейти, да и у многих наших есть эта думка. Рады бы протянуть руки Советской власти, да побаиваются. Хвосты малость замазаны...

— Коли сам признался, наказывать не буду, давай с нами на Урджар, а там посмотрим, стоит ли брать тебя в отряд. Посуди сам!— дадим тебе поручение, а ты его не исполнишь, как не выполнил поручение офицера. Ведь струсил стрелять в меня?— сказал Мамонтов.

Казак подумал и ответил:

— Я не струсил, а совесть меня взяла. Сердце подсказало.— И казак снова заплакал.

— Ну ладно, хватит реветь... Мы тебе прощаем... Искупишь свою вину — и дело с концом,— успокаивали красногвардейцы казака.

Утром лесной дорогой отряд быстро удалился от места ночлега. Мокрые от пота лошади, помахивая хвостами, шли ходко. Солнце уже перевалило за полдень, когда показался Урджар. Его улицы были буквально запружены красногвардейцами.

Иван Егорович увидел своего младшего брата.

— Поговорим после,— сказал он.— Сейчас дай людям и лошадям отдых. В ночь выступаем на Бахты для подавления восстания, а оттуда навстречу Виноградову, с которым тебе пришлось встречаться в Сергиополе. Говорят, Виноградов боевой офицер.

Разгром белогвардейских отрядов Ярушина, Виноградова и других офицеров временно, но все же смягчил обстановку. Однако враг не дремал, накапливал силы, формировались казачьи отряды в Сергиополе, Урджаре, Лепсинске, Сарканде, Копале и других станицах.

Прибывший несколько позднее малочисленный и слабо вооруженный первый Семиреченский социалистический отряд двухротного состава каких-либо изменений не внес.

Контрреволюционеры жестоко расправлялись с инакомыслящими, разгоняли Советы. К примеру, в Сергиополе были зверски убиты около четырехсот человек. Приближались дни суровых испытаний, тяжелой борьбы.

В то время победа над белогвардейцами была выдающимся событием. Вот что говорилось в сводке Информбюро при Совнарком Туркестанской республики о положении на северном Семиреченском фронте:

«Советскими войсками занят Копал. Белогвардейцы разбиты и бежали в горы... Советский отряд, под командованием И. Мамонтова разбил двухтысячный отряд белочехословаков, наступавших из Семипалатинска, и укрепился в Урджаре. В советских войсках царит бодрый дух и твердая дисциплина. Крестьянами организуются партизанские отряды для поддержки войск».

А вот еще одно немаловажное сообщение. Совнарком Туркестанской республики телеграфировал В. И. Ленину: «Против белочехословаков, показавшихся в Семиречье, ведем наступление. Результаты хорошие. Будем усиленно развивать действия на Сибирь».

Это донесение имеет прямое касательство к действию отряда Мамонтова. На всю жизнь у Василия остался в памяти образ этого мужественного человека, рабочего, отдавшего жизнь за святое дело революции.

После тяжелого боя в Маканчи отряд снова прибыл в контрреволюционный Урджар с намерением восстановить и укрепить в станице Советскую власть. Но через

сутки красногвардейцы вынуждены были вновь идти на Сарканд, чтобы задушить вспыхнувший мятеж. В станице остался отряд самообороны под командованием А. Ткачева.

Отряд ринулся в бой, не разведав силы Саркандского гарнизона, надеясь на то, что вовремя подойдут на помощь отряды Петренко. Однако брать Сарканд пришлось одним. В станице развернулось жестокое сражение. Оно продолжалось целый день. Красногвардейцы безустали уничтожали врагов. Но и в своих рядах они не досчитались многих бойцов. Боеприпасы были на исходе.

В этом бою был смертельно ранен командир отряда — младший Мамонтов. Умирая на руках своих бойцов, он прошептал:

— Держаться, держаться, товарищи...

Смерть младшего Мамонтова поколебала боевой дух. Отряд, не знавший поражений, стал отходить. Его разрозненные группы постепенно оставляли Сарканд и шли на Абакумовское, чтобы соединиться с отрядом Петренко.

В тяжелые июльские дни создается так называемый северный Семиреченский фронт, командующим которого назначается помощник областного военкома А. Петренко. Полномочия ему были даны очень большие. В частности, предписывалось формировать отряды и следовать в район северных станиц Семиречья, подавлять казачьи восстания и мятежи, препятствовать подходу колчаковских войск, установить связь с отрядом Мамонтова и помочь снять осаду белогвардейцев.

Петренко не оправдал доверия областного исполнительного комитета и военного комиссара. Ни одной из поставленных задач он не выполнил и был освобожден от должности командующего войсками. Оказалось, что Петренко в 1920 году был ярким участником Верненского мятежа.

Отряд Петренко в Лепсинском уезде продержался не больше недели. Не решившись вступать в бой, он отошел на Гавриловку. Вместе с ним и ушла часть лепсинского гарнизона. Отступление было совершено без приказа, самовольно. Обстановка к этому особенно не вынуждала. Отряд, с трудом оторвавшись от белоколчаковских войск, пробирался в Гавриловку окольными путями в ночное время, днем прятался в балках и камышах. Люди обносились, боеприпасов оставалось мало. Началось

разложение. На митингах раздавались голоса о том, чтобы скорее выбраться из этой каши. Командир отряда не пресекал этих настроений. В результате отряд в полтысячи человек утерять способность бить врага, старался не встречаться с противником.

Надо отметить, что действия отдельных отрядов, которые были направлены для установления Советской власти в северные станицы, имели свои теневые стороны. В то время командиры отрядов имели неограниченные полномочия, действовали именем верховной власти Семиреченской области. Их дела чаще всего не контролировались. В отрядах партийная прослойка была небольшой. В ряды бойцов проникали неустойчивые, а порой и вражеские, эсеровские, кулацкие элементы.

И несмотря на это, при всех недостатках, красногвардейские отряды проявили мужество, героизм в борьбе с контрреволюцией, значительно обескровили ее. Наиболее яркими были действия Верненского отряда под командованием И. Е. Мамонтова.

Отряды Красной Гвардии Семиречья были реорганизованы в регулярные части Красной Армии. Это произошло примерно в середине 1918 года. Но не сразу и не везде. На северном фронте, в Гавриловке, реорганизация произошла позднее. Численность призывников на северном фронте достигла до тысячи штыков и сабель. По тому времени это было внушительной силой. В армию вступали представители многих национальностей, в том числе казахи, киргизы, узбеки, таджики, туркмены. Войска стали получать зимнее обмундирование, оружие и боеприпасы. Коммунистическая партия Туркестана постоянно заботилась о снабжении бойцов Семиреченского фронта.

Спустя много лет Василию удалось установить фамилии товарищей, которые не жалели своей крови, а порой и жизни в борьбе с врагами революции. Это Р. Казбеков, У. Темирбеков, Т.. Асанов, Т. Игембердиев, И. Тобаев и сотни других храбрых бойцов.

...Отряд шел из Урджара в Бахты. К пограничному пункту — крепости Бахты он подоспел к рассвету. Небо было чисто, и лишь в стороне, над границей, ползла тяжелая туча, поблескивали молнии. В крепости — ни огонька. Стояла тишина. Разведка донесла, что в Бахтах казаки, на окраинах патрули. Что делать?.. Коман-

дир развернул отряд в боевой порядок, приказал усилить наблюдение за противником. Рассвело, и ясно стали видны густые цепи беляков, готовые по первому сигналу броситься в атаку.

Но артиллеристы отряда спутали карты белоказаков, открыв беглый огонь по врагу. Вслед за пушками заговорили пулеметы. Белогвардейцы метнулись назад, к крепости, атака захлебнулась, не начавшись. Пять орудий один за другим стреляли по крепости. На огненно-красном фоне взрывов были видны охваченные паническим страхом люди. В перерывах между выстрелами доносились крики женщин, плач детей, тревожно мычали коровы...

Конная группа под командованием Мамонтова, ошенившись сверкающими шашками, понеслась к западной окраине крепости. Оттуда захлопали выстрелы из трехлинеек. Несколько всадников свалилось с лошадей. Беляки бросились за дома и плетни.

В это время с другой стороны пеший отряд с обозом и артиллерией входил в Бахту. На площади, телега к телеге, стоял обоз беженцев, которые со всем своим скарбом намеревались перейти границу. В пыли лежали убитые, стонали раненые. А оставшиеся в живых беляки, не слушая офицеров, разбегались кто куда, охваченные одной заботой — спастись.

Пленных, тех, кто захотел записаться в отряд, отпустили, офицеров расстреляли. Беженцы из окружающих Урджар станиц отправились восвояси...

Пора бы и отдохнуть, да выяснили, что по предгорьям Тарбагатайского хребта со стороны Сергиополя на Урджар — Маканчи двигались большие силы белых. Через пару часов пришло еще одно тревожное сообщение: в станицах Сарканд и Копал взбунтовалось казачество. Это известие особенно обеспокоило Мамонтова. «Как это могло случиться, что мы очутились во вражеском кольце?» — ломал голову Иван Егорович, сидя над потрепанной картой. В штаб собрались по тревоге командиры подразделений.

— Нехорошо получается, — оторвался от карты командир. — Вы слышали, в каком положении мы находимся?

Командир роты Рязанцев бросил:

— Похоже на катастрофу!

Мамонтов вскочил.

— Какая катастрофа?! — закричал он и выругался. Все молчали. Положение отряда было действительно угрожающим: полк из Семиречья еще не прибыл, местные отряды действовали очень нерешительно. Оставалось надеяться только на самих себя.

Мамонтов, чтобы загладить свою вспышку, предложил закурить, и в хате сразу потемнело от густого дыма.

— Что предпринимать будем? — спросил он, теребя бороду. — Клинки — в руки и айда на Виноградова, на Урджар? Так? Ну, коль возражений нет, поднимайте людей. Пойдем ускоренным маршем на встречу с Виноградовым. А ты, — Мамонтов повернулся к Василию, — беги на почту, стереги телеграфиста и не разрешай перестукиваться. Скоро приеду...

Через каких-нибудь тридцать-сорок минут Иван Егорович подъехал к почте. В отделении под конвоем Василия сидел телеграфист в форменной черной фуражке с кокардой и желтыми кантами, в добротном пиджаке с блестящими пуговицами.

— Связь есть? — строго спросил Мамонтов.

— Связь не нарушена, многие запрашивают, но я не отвечаю, не велено.

— Кем не велено?

— А вот этот товарищ не велел.

— Молодец Василь... Вызовите Маканчи, будете передавать, соврете — расстрел.

— Не беспокойтесь, — с волнением проговорил телеграфист. — Я белых не очень уважаю... Жаль, что комендант крепости сбежал. У меня с ним свои счеты...

— Не уйдет комендант, если только за границу не утек... Вызывай к аппарату капитана Виноградова, будет говорить родственник генерала Мамонтова.

Аппарат застучал. Василий недоумевал, еще не понимая хитрости своего командира.

— Читай, — потребовал Мамонтов.

— У провода капитан Виноградов. Спрашивает, где комендант крепости и как его фамилия?..

— Передай, что комендант вылавливает партизан, а фамилию его и чин сам знаешь...

— Виноградов спрашивает, давно ли виделись с генералом и где он сейчас?

— Отвечай: генерал войска в кулак собирает... Мне хотелось с вами повидаться, увязать наши действия против крамольников. Тут где-то блуждает отрядишко голодранцев, говорят, отрядом командует Мамонтов. Надо его взять живьем, тогда и разберемся в каком родстве мы находимся...

— Ваш чин?

— Ротмистр...

Узкая белая ленточка с точками и тире ползла медленно, свертывалась кольцами и падала на пол.

— Приезжайте, господин ротмистр, завтра, я дам распоряжение, вас встретят. Людей своих в Маканчи не вводите, пока не увяжем наши действия. Сколько у вас людей?

— Пятьдесят человек с пулеметом.

— Прекрасно! В чем вы будете одеты?

— Поверх кителя офицерская накидка.

— До встречи.

— Буду рад с вами встретится, капитан...

— А теперь,— сказал Мамонтов телеграфисту,— вызывай Сарканд, Копал и передай казачкам: если они не перестанут бунтовать, зачинщиков ждет смерть, а всех мятежников — жестокое возмездие.

После телеграфного разговора Василий закрыл дверь почты на замок и отправил телеграфиста домой под конвоем.

Утром отряд направился в Маканчи. На рассвете он был уже у цели. И хотя ветер тянул тяжелые тучи низко над землей, с гребня горы просматривались силуэты домов на окраине станицы. Быстро миновав поле зеленой ржи, отряд свернул в балку: необходимо было подготовиться к предстоящему бою. Мамонтов решил начать наступление на Маканчи через час.

— Я буду ждать вас в штабе Виноградова,— сказал он и в сопровождении Василия и трубача Тимофея порысил на Маканчи.

По дороге Мамонтов предупредил, чтобы его называли господин ротмистр.

— Запомните, я для вас не товарищ, а господин. Тьфу! — сплюнул он. — Будем действовать применительно к обстановке. Важно затянуть беседу с офицерами, усыпить бдительность, чтобы наш отряд нагрянул внезапно...

Впереди показались три всадника. Мамонтов, волнуясь, прошептал:

— Сволочи! Едут нас встречать.

Офицер бросил руку к козырьку, спросил:

— Ротмистр Мамонтов?

— Да,— коротко ответил командир отряда.

— Кто с вами?

— Это трубач и адъютант... Штаб капитана Виноградова далеко?

— Нет. Вон, видите, дом под железной крышей?

— Да, вижу...

Где-то хлопнули несколько выстрелов и простучала короткая очередь пулемета. Солдаты не обращали на них внимания.

— Что за стрельба? — встревожился Мамонтов.

— Видно, большевистскую заразу хлопают.

— А что ее здесь разве много?

— Попадаются, но ничего скоро отряд подчистит все Советы под гребенку...

Поправляя свою накидку, Мамонтов предложил:

— Не лучше ли пройтись пешком?

— Не извольте беспокоиться, господин ротмистр, доставим вас в полной сохранности... А, впрочем как вам угодно,— согласился офицер. Мамонтов и Тимофей соскочили на землю.

— Вы не спешите,— обратился Мамонтов к Василию,— останетесь с лошадьми. Он наклонился к нему, шепнул: — Держи уши топориком, следи в оба за этим домом, чуть неладное заметишь, скачи в отряд...

Оставшись один, Василий не на шутку перепугался, но приказ есть приказ, не выполнить его было нельзя, и он напрягся, переборол страх...

В штабе стоял веселый пьяный гул.

— Господа офицеры,— поднялся из-за стола капитан Виноградов.— Предлагаю тост за Россию, за адмирала Колчака, за победу! Ура!..

Дежурный офицер вошел в комнату и доложил о прибытии ротмистра Мамонтова.

— Просите,— Виноградов поправил пенсне, и чуть картавя, продолжал.— Господа офицеры, нас осчастливил своим посещением ротмистр Мамонтов, родственник генерала Мамонтова.

В комнате стало тихо. Тимофей хотел было тоже пройти в комнату, но сопровождающий Мамонтова офицер остановил его.

— Здравия желаю! — поздоровался Мамонтов и учтиво спросил:

— Я не помешал, господа?

— Нет, отчего же! Просим вас — зашумели за столом.

— А, где же ваши дамы? — пошутил Мамонтов.

Все засмеялись. Виноградов сказал:

— Собрали мальчишник перед выступлением...

— Позвольте и мне к вам присоединиться...

— Просим, просим, ротмистр!

Надо было сесть за стол, поддерживать разговор, но видно, нервы у Мамонтова не выдержали: слишком пристально, пытливо смотрели на него офицеры.

— Руки вверх! — срывающимся голосом крикнул он. — Шкуры офицерские, если пикните, сыграете в ящик!.. Кто там в карманы полез? Не шевелиться! — Мамонтов сбросил с себя офицерскую накидку и командовал: — Встать! Я командир красногвардейского отряда. Сдать оружие!

— Взять его, — приказал Виноградов, но тут же раздался выстрел. Виноградов без звука рухнул на пол. Мамонтов попал ему в голову.

Офицеры растерялись. Мамонтов успел еще уложить несколько человек и выскочил из штаба, за ним метнулся Тимофей, который в суматохе прикончил несколько человек.

Со всех сторон к штабу бежали казаки. Мамонтова и трубача схватили, стали жестоко избивать. Потом по приказу офицера зарубили шашками.

Василий услышал выстрелы, крики и понял, что мешкать нечего. Он вскочил на коня Ивана Егоровича и галопом поскакал в отряд — звать на помощь. Оглянувшись, Василий увидел, что за ним скачут три казака, пули просвистели над самой головой...

Через десять-пятнадцать минут красный отряд ворвался в Маканчи с двух сторон.

Как-то в Гавриловке Василий встретил бывшего командира красногвардейского отряда Н. Н. Затыльников, отряд которого вышел из Верного в северные станицы одновременно с отрядом Мамонтова. Василий знал,

что он назначен командующим войсками. Полевой штаб его временно размещался в Копале.

— Подожди-ка, молодец! Ты мамонтовец? Где воюешь?

— Назначили заведовать артиллерийским снабжением, смущенно ответил Василий.— Боюсь не справлюсь, ничего в этом деле не кумеаю.

— Ничего, научишься, успокоил Затыльников.— Я вот числюсь в командующих, а никаких военных учебных заведений не кончал. Доверили, значит, надо оправдывать — доверию Советской власти цены нет. Запомни, жизнь человеческая никогда не течет ровно. Может ко мне в штаб пойдешь?

Василий отказался.

— Вольному воля,— без обиды сказал командующий.— Расскажи, как воевал.

Николай Николаевич внимательно выслушал Василия, похлопал по плечу.

— Жалко Ивана Егоровича, отчаянная была голова. От его отряда остались единицы... Обстановка сейчас сложная. Беляки набирают силы, жмут во всю на Черкасскую оборону, а там того и гляди, хлынут на Гавриловку. Фронт дырявый, еле держится. Главная задача сейчас не допустить дальнейшего расширения очага действий белоказацких войск... А тебе везет, мамонтовец! — улыбнулся Затыльников.— Который раз от смерти убегаешь.

Он по-отцовски обнял паренька, сказал:

— Если надо будет, обращайся в любое время.

Позднее Василий встречался с Николаем Николаевичем несколько раз и даже какое-то время работал с ним.

В ту пору должности штаба фронта утверждались директивами местных военных властей. Так, к примеру, существовал командующий Лепсинским фронтом. В составе штаба фронта был реввоенсовет с политическим отделом. Штаб фронта и Военно-революционный Совет был создан также в Сергиополе. Подобное дробление вызывалось главным образом тем, что не было надежной связи с центром, а массовые мятежи кулаков и казачества принимали угрожающие размеры. Впоследствии все местные военные управления были реорганизованы, а в середине сентября 1919 года образовался единый фронт с единым штабом под прежним наименованием — Север-

ный Семиреченский фронт. С образованием регулярных войск этого фронта и прибытием нового состава реввоенсовета Семиреченской армии фронт стал стабилизироваться.

В Гавриловке Василий находился почти год. Жил он со старшим оружейным мастером В. И. Хмелевым, уроженцем Верного. Руки у него были поистине золотыми. Он вытачивал на токарном станке винтовочные затворы, револьверы, мог произвести любой ремонт огнестрельного и холодного оружия с заменой испорченных частей новыми, им же самим изготовленными. Научился Хмелев этому мастерству на Сестрорецком оружейном заводе, а позднее — на Тульском. Василий Иванович работал вместе с выдающимся оружейным мастером Ф. В. Токаревым.

В 1918 году он с одним из верненских красногвардейских отрядов ушел на Семиреченский фронт и организовал в Гавриловке фронтową оружейную мастерскую.

Работа Василия на оружейных складах была тесно связана с мастерской Хмелева. Они очень хорошо понимали друг друга и подружились.

Однажды Василий Иванович пригласил Васю в военкомат. Парень обратил внимание на молоденькую машинистку Катю Едалову, красивую, стройную девушку, с очень скромными манерами.

Василий и Катя вместе вышли из военкомата. С этого и началась их любовь. Вскоре Василий объявил, что не может жить без Кати. Девушка отвечала взаимностью. Ее родители хотели, чтобы молодые обвенчались. Однако Василий был против церковного обряда. Так они и не поженились. А вскоре выпала командировка в Верный. Василий ждал девушку, надеясь, что она придет. Хотел увезти ее, но она не пришла, видимо, почувствовала намерение парня. Не посмела Катя послушаться родителей...

Прокатилась, пронеслась по Лепсинскому уезду гражданская война. Не только смерть и разрушение несла она. Ее огонь дотла спалил врагов Советской власти, с оружием в руках обездоленный народ добыл себе свободу и счастье.

Вместе с другими частями на Семиреченском фронте сражались киргизские части — 1-й Пишпекский полк и несколько отрядов.

Третья Туркестанская стрелковая дивизия, в которой было немало казахов, киргизов, узбеков и воинов других

национальностей, взаимодействовала с частями 5 Армии, которой командовал прославленный полководец М. Н. Тухачевский. Совместными усилиями был занят Лепсинск. Это означало ликвидацию Семиреченского фронта.

Главарь белых войск удрал в Китай и долго мечтали вернуться, однако, к счастью, по независящим от них причинам этого не случилось.

...В декабре 1920 года Василий поехал в Верный за боеприпасами. Поездка была как поездка, самая обыкновенная, но в судьбе простого крестьянского парня, произвела она крутой поворот. Когда Василий отправил обоз, позаботившись о надежном охранении, его разыскал порученец командующего войсками Семиреченского фронта.

— Командующий приказал вам явиться в штаб,— сказал он.

— Зачем? — с недоумением спросил Василий.— У меня строгий приказ не задерживаться.

— Об этом вы скажете командующему. Собирайтесь быстрее,— торопил порученец.

С волнением переступил Василий порог кабинета командующего. Иван Панфилович Белов тепло поздоровался с молодым бойцом, спросил:

— Как вы думаете, зачем я вас вызвал?— Командующий отошел от стола и посмотрел Василию прямо в глаза. Василий смутился:

— Понятия не имею, товарищ командующий.

— Вам придется остаться при штабе. Не будете возражать?

— Но ведь меня ждут,— растерялся Василий.

— Мы сообщим, чтобы не ждали,— улыбнулся Белов.— У нас будете выполнять отдельные поручения, а вначале расскажите о действиях красногвардейского отряда Мамонтова. Садитесь...

Иван Панфилович пододвинул стул. Василий, придерживая шашку рукой, не решался садиться: шутка ли — с ним, простым казачьим парнем, вел разговор видный военачальник, посланец самого Фрунзе.

— Садись, садись, сынок, не стесняйся, рассказывай...

Много позднее Василий узнал, что Иван Панфилович родился в крестьянской семье. С трудом ему удалось закончить начальную школу, но на этом он не остановился. Работая пильщиком, упорно продолжал пополнять свои

знания и сдал экстерном экзамены за полный курс учительской семинарии.

В годы первой мировой войны был призван в армию, после Октябрьской революции вступил в Красную Гвардию. За боевые заслуги был награжден двумя орденами Красного Знамени и почетным оружием. В начале 1919 года вступил в партию большевиков. После гражданской войны окончил военную академию РККА. Работал вместе с М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышевым, Д. А. Фурмановым. Фрунзе при докладе В. И. Ленину о положении дел в Семиречье охарактеризовал Белова как честного человека, преданного Советской власти.

... На восьмые сутки Василий был на месте. Ташкент показался ему огромным городом. Чтобы не плутать зря по улицам, он часто останавливал военных и спрашивал, где находится штаб фронта. Многие из них смотрели на него с недоверием, подозрительно и коротко отвечали: «Не знаем...»

Он остановил двух мужчин с большими деревянными кобурами на поясных ремнях. На мужчинах были модные тогда кожаные тужурки.

— Куда тебе надо? — нахмурил брови один, а другой поинтересовался: — Откедова ты такой шустрый? — и цепко схватил Василия за локоть, поднес кулак к носу: — Видишь?

— Вижу, — упавшим голосом пробормотал Василий и попытался освободить руку.

— Подожди, контра! Бежать вздумал! В ГПУ его! — зашумели сразу оба в кожанках.

— Не шибко пугайте, — огрызнулся Василий. — Я же по-человечески спросил, а вы — орать... Да сами-то вы кто такие?

— Кто мы-то?.. Молокососам не докладываем. Видал ты его?.. Ну вот что, — повелительно сказал тот, который держал Василия за руку. — Мы обязаны, тебя, парень, обыскать. Мы патруль. А там видно будет, как с тобой поступать. Есть документы?

— Есть.

— Показывай!

Василий, вытаскивая мандат, откинул полу пиджака, чтобы было видно, что он при оружии. Патрульный по слогам прочел:

— «Предъявитель сего уполномочивается штабом

Семиреченского фронта доставить военное донесение командующему М. В. Фрунзе. Всем организациям оказывать ему полное содействие.» Есть печать и подпись Белова... Давно надо было...

— Что же я буду каждому встречному представляться? — съязвил Василий.

— Ну, ладно, спасибо скажи, что тебя сгоряча не стукнули. Извиняемся за неувязочку. По Ташкенту контриков много шныряет.

Патрульные довели Василия до штаба и представили дежурному, который взял в руки пакет, сказал:

— Сдай в экспедицию.

— Нет, — запротестовал Василий. — Мне приказано лично вручить пакет товарищу Фрунзе.

— Раз доверили важное донесение, то... — дежурный подумал и, смягчившись, сказал: — Пропуск я тебе выпишу, подождешь в приемной... Валяй, пока командующий в штабе.

Уже получив пропуск, Василий не мог поверить в то, что сейчас увидит Михаила Васильевича Фрунзе. Как начать разговор с ним? Секретарь командующего критически осмотрел одежду Василия, вздохнул, видно, подумав о том, что в таком обмундировании не на доклад к командующему — по городу ходить стыдно, да что поделаешь, время было трудное, и спросил:

— А разве пакет через меня нельзя передать?

— Нет, — решительно проговорил Василий. — Не велено. Приказано лично командующему передать.

— Командующий сейчас занят.

— Подожду, когда освободится.

— Ты сам-то откуда?

— Из Семиречья.

Секретарь пошел докладывать. Через несколько минут он вышел из кабинета.

— Заходи, командующий ждет.

Василий вскочил со стула, поправил фуражку, отрянул пиджак, сделал шаг к двери и остановился в нерешительности.

— Пакет бери в левую руку и заходи, — напутствовал секретарь. — Поздороваешься, представишься, пакет подавай правой рукой. — Он рассмеялся. — Да не бойся...

Василий несмело отворил дверь, вошел. Фрунзе оторвался от бумаг, окинул Василия с ног до головы уста-

лым, внимательным взглядом. От волнения Василий забыл представиться, стоял и молчал.

— Проходите, товарищ, ближе к столу,— мягким голосом попросил Фрунзе, поглаживая рукой стриженую под ежик голову.

Пока командующий распечатывал пакет и читал донесение, Василий с любопытством смотрел на командующего. Открытое лицо, простая гимнастерка под поясом, на груди орден Боевого Красного Знамени.

Михаил Васильевич отложил донесение.

— Ну, что же,— похвалил он,— молодец... Связь скоро будет налажена, ездить не придется... Долго ехали?

— Около восьми суток.

Фрунзе встал, поднялся и Василий. Командующий подошел к нему вплотную.

— Передайте товарищам, что все меры будут приняты. Мы с Куйбышевым посылаем обращение к семи-реченскому казачеству. Его необходимо распространить среди солдат противника. Это — последняя попытка Советской власти разрешить мирным путем создавшееся положение...

Зазвонил телефон. Фрунзе поднял трубку, взглянул на часы, сказал:

— Буду вовремя, не задержусь...

— А вы откуда родом, молодой человек? — спросил командующий, закончив разговор по телефону.

— Из Копала.

— Да-а, там сейчас бесчинствует сброд Анненкова.. А родители?..

— Отец у белых, с ним же и вся семья — мать, бабушка и братишки.

— Значит, отец у белых, а сын у красных? Суровое время... Да вы не смущайтесь,— заметил командующий.— Язык киргизский знаете?

— Говорить умею,— ответил Василий.

Надо было уходить, Василий понимал это, но все же решился, спросил:

— Нельзя ли мне выучиться на командира?..

— Очень хочется? — спросил командующий, Василий кивнул головой.— Попробуем помочь. Передайте своим, что надо кончать с белогвардейщиной, чем быстрее, тем лучше.

— Обязательно передам!

Из кабинета Василий вышел сам не свой, с чувством великой гордости: он разговаривал с ближайшим соратником Ленина!..

В Верный он больше не попал — свалил сыпняк. После выздоровления Василия направили на курсы красных командиров, личный состав которых находился в летних лагерях под Ташкентом, неподалеку от реки Чирчик. Здесь произошла его вторая встреча с М. В. Фрунзе.

В 1920 году состоялся первый лагерный сбор частей и курсов войск Туркестанского фронта и гарнизона Ташкента. Ожидали приезда М. В. Фрунзе. Учебные поля и полигоны Троицкого лагеря дымились пылью. Зато другая часть лагеря, ближе к Чирчику, утопала в зелени.

Василий был назначен дежурным по своему учебному эскадрону. Представьте себе девятнадцатилетнего юношу, лицо которого покрыто плотным загаром, только зубы да озорные глаза сверкают. На рукаве подпоясанной брезентовым ремнем клетчатой рубахи — красная повязка, на голове — белая панама с большой звездой из красной ткани, на боку — драгунская шашка с медным темляком, а на ногах — лапти. Синие галифе чуть велики, чтобы они не сползали, хозяин использовал тренчик от седла.

Курсанты находились на полевых занятиях. В помещении эскадрона находился лишь суточный наряд. Василий, выбрав укромное местечко, трудился до пота: подавал вполголоса команды, строевым шагом с шашкой наголо отрабатывал подход к командующему, повторял рапорт. Боялся, что при докладе заплетется язык от волнения, стыда не оберешься. Курсанты прохода не дадут, засмеют: вроде бы хороший курсант, а струсил перед начальством...

Подошло время обеда. Курсанты с песнями подошли к бараку. Некоторое время спустя подбежал дневальный, шепнул: «Идут!» У Василия екнуло под ложечкой, но он сумел взять себя в руки. Увидев Михаила Васильевича, за тридцать шагов поднял шашку и, подойдя, четко отпортовал. Все обошлось как нельзя лучше. Командующий поздоровался с ним, поблагодарил за четкий рапорт, сказал:

— А ведь мы где-то недавно встречались, товарищ дежурный?

— С донесением к вам приезжал, товарищ командующий!

— Припоминаю,— улыбнулся Фрунзе.— Как вы тогда доехали?

— Заболел, до Верного не добрался.

— Как учитесь?

— Хорошо, товарищ командующий!

— Видите, я сдержал свое слово. Теперь вам надо обязательно получить звание краскома...

Командующий обошел казарму, побеседовал с курсантами и направился к выходу. Прощаясь с дежурным, он пожал Василию руку, посмотрел на его странную военную форму, сказал:

— Скоро оденем.

После ухода командующего Василия прошиб пот, вытащив из кармана белую тряпку, он стал вытирать лицо. Его окружили курсанты, стали поздравлять, расспрашивать. Вопросам не было конца, и дежурный решился пойти на небольшую хитрость: повысив голос, командовал:

— Выходи строиться на обед!..

В середине 1922 года Василий стал красным командиром. Первые два года он командовал конной разведкой Туркестанского полка, который участвовал в боях с шайками басмачей в районе Гузар—Бухара—Шахриязепс—Керки—Чарджоу.

Отзвенело детство, прошло отрочество, миновала юность.

Наступала зрелость...

**ЭТИХ ДНЕЙ  
НЕ СМОЛКНЕТ  
СЛАВА...**

Бывают события, которые человек запоминает на всю жизнь. Для меня и моих красноармейцев таким событием явилась кончина Владимира Ильича Ленина. Прошло полвека, но я очень отчетливо помню теплый январский день в Восточной Бухаре. Отдельный взвод конной разведки преследовал небольшую басмаческую шайку, которая не принимала боя. После двадцати километров погони взвод остановился в крупном кишлаке, чтобы дать лошадям кратковременный отдых, а заодно и получить агентурные сведения о базах шайки. К нам подошел председатель сельсовета, весь в слезах.

— Умер юлдаш Ленин! — сказал он, опустил на колени и стал молиться. Красноармейцы сняли головные уборы, долго молчали. Затем прозвучали залпы прощального салюта... \*

Басмаческую шайку взвод настиг ночью. Было убито десять басмачей, остатки банды рассеялись.

— Это наш ответ на смерть вождя! — сказал один из красноармейцев.

В середине лета 1924 года меня направили в Ленинградскую высшую кавалерийскую школу, которая позднее стала кавалерийскими курсами усовершенствования командного состава — ККУКС. Ходатайствовал о направлении меня на учебу командир полка Ш. Генеатулин, очень талантливый и храбрый человек. В Великую Отечественную войну он работал в Генеральном штабе.

Вместе со мной учились прославленные герои борьбы с басмачеством К. Андерсон, В. Бардадин, А. Лопатин. Часто выступал перед курсантами Семен Михайлович Буденный, героизмом и военным талантом которого каждый из нас восхищался.

Руководителем курсов был известный военачальник В. М. Примаков. Потом его сменил военный теоретик М. А. Баторский. Здесь я встретился с Г. К. Жуковым и К. К. Рокоссовским.

Учеба на курсах усовершенствования командного состава конницы стала для меня, как и для остальных слушателей, хорошей школой в смысле пополнения военно-теоретических знаний, повышения политической подготовки.

Второй раз мне посчастливилось встретиться с Маршалом К. К. Рокоссовским во время восточно-пруссской операции 1944 года в районе Гдыни. Он вспомнил ККУКС, дал курсам высокую оценку и рассказал, как он упорно занимался выездкой своего «бестолкового коня», который впоследствии показал высокий класс езды. Поэтому пришлось дать ему кличку «Толковый». «Тренировка лошади и подготовка самого себя,— подчеркнул Маршал,—изучение техники выездки подразумевают терпение, настойчивость и безграничную любовь к лошади. Кавалерист — это великолепно обученный пехотинец.»

Кто-то из присутствующих спросил: «Вы до сих пор приверженец конницы?» — «Этот род войск сыграл свою историческую роль,— сказал Маршал.— Я за подвижность войск. Чтобы войска двигала техника — как в воздухе, так и на земле. Ведение боя усложняется...»

В Ленинграде меня застала скорбная весть: 1 ноября 1925 года Центральный Комитет РКП(б) известил всех членов партии, всех рабочих и крестьян о смерти верного бойца нашей партии, одного из лучших ее сынов товарища М. В. Фрунзе.

Моей печали не было конца. Я долго не мог успокоиться...

После окончания школы я попросился в Среднеазиатский военный округ и вскоре принял первый учебный эскадрон узбекского кавполка. Полком командовал С. Ф. Капустин, служивший в свое время в Первой конной армии С. М. Буденного. Он имел именное оружие, был награжден боевым орденом Красного Знамени. Командир полка был очень требователен к себе и подчиненным. Когда он обнаруживал пыль на винтовке, то говорил:

— Винтовку надо беречь пуще собственного глаза. С неисправным оружием, с неподкованной и ненакормленной лошадью боец не боец. Повторится, накажу.

В заботах повседневных дел время летело незаметно. Верховая езда, строевая, тактическая, огневая, физическая и политическая подготовки — все это требовало пос-

тоянного контроля. По воскресным дням проводились спортивные соревнования. Часто полк поднимался по тревоге, совершал многокилометровые марши с решением тактических задач. Проводились конкурсы на лучшее содержание казарм, красных уголков.

В июле 1926 года я получил назначение на должность командира Отдельного киргизского кавалерийского эскадрона. На моих петлицах появилось четыре кубика.

— Не подкачай,— напутствовал меня командир полка.

Вновь назначенному командиру отдельной части, будь она большая или маленькая, перед отбытием к месту новой службы необходимо было представиться военному Совету округа.

И вот я снова в солнечном Ташкенте. Быстро нашел штаб округа и сразу же был принят командующим К. А. Авксентьевским. В его кабинете находились член Военного Совета дивизионный комиссар Кузьмин и начальник штаба комдив Кондратьев.

— Итак, товарищ Калачев, решением Военного Совета вы назначаетесь на должность командира Отдельного киргизского кавэскадрона. Правда, часть еще молодая, неокрепшая. Но мы знаем, что боевая и политическая подготовка эскадрона, которым вы командовали, инспекцией округа оценена на отлично.

— Спасибо за доверие!

— Но вряд ли я обрадую вас тем, что скажу дальше. Киргизский отдельный эскадрон стадию формирования окончил. Дисциплина у них слабая...

— Одним словом,— подытожил член Военного Совета Кузьмин,— мы недовольны подготовкой эскадрона, особенно политико-воспитательной работой. Слов нет, работа трудная, все упирается в неграмотность. Но ведь в других национальных частях политическая работа находится на должном уровне. Значит, можно поднять ее и в вашем эскадроне.

Командующий проговорил:

— Кажется, мы поговорили вам страстей через край.

— Товарищ командующий, меня это не пугает.

— Мне с киргизскими частями пришлось в гражданскую войну на Оренбургском фронте иметь дело,— продолжал командующий.— Это природные кавалеристы. Стоит им ожить на месте, где служат, и они стано-

вятся настоящими бойцами рабоче-крестьянской Красной Армии. Им нечего прививать любовь к лошади. Я знаю, что киргиз падает с лошади в исключительных случаях: если лошадь делает свечу и порвутся поводья, если на полном ходу лопнут подпруги...

— Как вы понимаете свои задачи, с чего начнете?— спросил командующий.

Ответ мой сводился к тому, что следует изучить личный состав, в своей работе упор делать на подготовку младшего комсостава, одиночного бойца, на ликвидацию неграмотности...

Командующий поднялся, вышел из-за стола, сказал:

— Желаю вам успехов в боевой и политической подготовке. Вы принимаете первую воинскую часть Киргизии. Есть вопросы ко мне?

— Есть, товарищ командующий. Мне стало известно, что кызыл-аскеры рубят палками— нет шашек, седла смазывают водой— нет мази. На шестнадцать лошадей обучаются сто с лишним кавалеристов. Нет снаряжения, парадного обмундирования, не хватает воинских уставов, политической литературы.

— Откуда вы знаете?

— Перед тем как идти к вам, я заглянул в интендантство, проверил, что числится за эскадронам. Вот моя заявка с рапортом, правда, не по команде, но считаю, что случай вполне подходящий.

Командующий улыбнулся, покачал головой, взял заявку, рапорт и обещал дать все то, что можно будет дать.

— Обратитесь к киргизскому правительству, оно поможет. Ведь эскадрон— это же школа местных партийных и советских работников...

Я вышел из штаба округа с двумя тюками военной и политической литературы. Хотелось побыть в Ташкенте денек-другой, но служба есть служба: во Фрунзе меня уже ждали.

«Что из себя представляет этот город, в котором родился Михаил Васильевич Фрунзе?.. Как встретят меня бойцы эскадрона? Сумею ли я оправдать доверие командующего?»— эти вопросы волновали меня.

Из истории мне было известно, что киргизские воинские формирования принимали участие в боях на фронтах гражданской войны, дрались с белоказацкими вой-

сками, мятежниками, шайками басмачей. Красногвардейские отряды и дружины создавались в Киргизии почти повсеместно: Пишпекский, Токмакский, Пржевальский, Таласский, Нарынский, Кызыл-Кийский, Ошский... Они состояли из бывших фронтовиков, добровольцев из числа киргизской бедноты и рабочих. Командиры отрядов в основном прошли службу в старой армии в качестве рядовых, и у них не было необходимых знаний, опыта, но была вера в победу революции, в силу народных масс, природная сметка. В селах, аилах и кишлаках отряды насчитывали по 20—40 бойцов. В Пишпеке находилось два отряда, в которых было до тысячи добровольцев. В 1919 году из Киргизии на Ферганский фронт ушел отряд численностью более 1500 человек. На помощь северному Семиреченскому фронту был послан полк Логвиненко — 1200 человек, отряд, состоящий из киргизов, казахов, русских, уйгуров, дунган, — более чем в 500 человек. Много местных жителей было в составе первого пехотного полка под командованием Н. П. Павлова. В 1918—1919 годы из Киргизии ушло на фронт более 1000 коммунистов.

После ликвидации Семиреченского фронта отряды, сформированные в Киргизии, были влиты в состав регулярных частей Красной конницы.

В Киргизии, как и в других местах, создавались свои национальные части. Первый Пишпекский полк под командованием Якова Никифоровича Логвиненко проявил большое мужество в борьбе с врагами Советской власти. Он при взаимодействии с другими отрядами в районе станции Ак-Су вышел в тыл белоказачьих войск, сосредоточивающихся для прорыва Черкасской обороны. Враг превосходил в живой силе, был хорошо вооружен и обучен. Но красные бойцы не дрогнули и вступили в неравный бой. Противник начал сдавать свои позиции. А в это время конная группа полка Д. Садаева врезалась в боевые порядки отступающих и вынудила противника к беспорядочному отступлению.

Вместе с Пишпекским полком отличились в боях с белоказаками Киргизский отряд под командованием Темеркула Игембердиева, второй киргизский отряд Третьей национальной бригады под командованием И. Токбаева.

В боях у Ак-Су, Абакумовского отличился разведчик А. Мамырканов. Он пробрался в тыл белых войск и дол-

гое время собирал и передавал своему командованию ценные сведения.

Беззаветную храбрость проявил командир Киргизского эскадрона Турсун Асанов — сын бедняка. Обстановка требовала во что бы то ни стало собрать подробные сведения о противнике. Турсун с группой джигитов направился в разведку в сторону Арасана. Неожиданно навстречу выскочила сотня беляков. Турсун знал, что захватить инициативу — это значит обеспечить половину победы, и первым кинулся на врага, за ним неслись джигиты. Враг растерялся. Беляки ускакали прочь, оставив на поляне офицера с ординарцем. Они пытались исчезнуть, но Турсун на своем прытком киргизском скакуне догнал офицера, бросил аркан и стащил всадника на землю. Полковник Мухарабов, командир Алаш-Ординского полка дал ценные сведения. В скором времени этот полк перешел к красным.

После того, как Пишпекский полк разбил дивизию белого генерала Щербакова в районе Ак-Су, бойцы расположились на отдых. Необходимо было пополнить запасы боеприпасов, обработать раненых, подсчитать трофеи. В честь одержанной победы состоялся митинг, на который собрались красноармейцы, станичники, привели под охраной пленных, из окрестных кишлаков приехали местные жители — киргизы.

Первым попросил слова сухопарый пожилой станичник в казачьей фуражке, холщевой рубаше, заправленной в потрепанные шаровары.

— Мы,— сказал казак,— живем в потемках, о Советской власти ничего не знаем. Прошел слух, как будто бы обстановка в Петрограде и Москве тяжелая. От голода и тифа гибнет Россия... Говорят, что капиталисты за границей ждут не дождутся поражения революции... Кому верить? Сделайте милость, объясните, товарищи большевики!

— Отвечу,— твердым голосом сказал Логвиненко.— Революция, батя, не игрушка. Мы ничего не скрываем и говорим народу правду. Про всю Россию и до утра не справлюсь рассказать. Царь нам оставил разруху. Так что надо обижаться на батюшку-царя. А с врагами революции и теми, кто ждет ее конца, мы вот что сделаем,— Логвиненко сжал кулаки.— Пусть знают, что такое Со-

ветская власть и диктатура пролетариата! Пусть не становятся на нашем пути.

Попросил слово пленный.

Стоят с вами киргизские командиры. Они что, тоже большевики?..

Логвиненко моргнул Токбаеву: «Тебе придется отвечать». Токбаев поправил шапку, вышел вперед и на не совсем чистом русском языке сказал:

— Видишь, солдат, мы еще не успели вступить в большевистскую партию. Но обязательно будем большевиками. Киргизов, узбеков, уйгуров, дунган большевики принимают в свою партию, только надо этого заслужить. Правильно я говорю, Яков Нинифорович?— обратился он к Логвиненко.

— Правильно, Имаш! Судьбу киргизского народа будет решать сам народ. Только надо скорее установить Советскую власть, а в остальном Ленин, его партия и рабочий класс России помогут.

— Чудно получается,— сомневался тот же пленный.— Для чего нужна вам, киргизам, земля? Вы ведь не умеете ее обрабатывать?

Токбаев поморщился и, повысив голос, проговорил:

— Ты, солдат, видно, от пяток до ушей пропитан колчаковщиной.

Поднялся шум.

Тише, товарищи, тише!— Токбаев поднял руку.— Я этому солдату отвечу! Мы всему научимся. Наша трудовая власть издала Декрет о земле, в нем все сказано. Богатые казаки держали киргизов в рабочих. На чужом хребте в рай хотели попасть... Они экс...— Токбаев замялся. Логвиненко подсказал:

— Эксплуатировали...

— Да, они эксплуатировали народ. Это ленинское слово. Мудреное слово, но верное, правильное оно, режет по одному месту буржуев, капиталистов, помещиков, баев. Они не могут переносить этого слова. Киргиз, как слепой ходил, покуда не понял, что надо бороться за свою свободу. Казахи, киргизы, русские,— все должны быть равными.— Обращаясь к пленным, Токбаев сказал:— Вот если бы все послушали товарища Ленина, то, по-моему уму и рассуждению, не было бы войны. Об этом я узнал от большого комиссара, который слушал речь Ленина в Петрограде.

Народ зашевелился, зашумел, кто-то спросил:

— Вы, товарищ Токбаев, Ленина видели?

— Нет,— ответил Токбаев.— Но как только перебьём всех беляков, постараюсь увидеть Ленина... Кто из вас пошел по доброй воле?— спросил пленных Токбаев.— Поднимите руки... Значит, мобилизованные золотопогонниками. Но все равно, вы пошли против своих братьев, против народа. Теперь надо искупать свою вину...

Пожилой казак вполголоса пробормотал:

— Темные мы... Правду надо сказать, наша вина...

— Верно, верно говоришь, казак!— подхватили пленные.

Токбаев отошел в сторону и вытер потное, но довольное лицо платком.

— Еще один вопрос,— раздался голос в толпе.— Разве можно отнимать лошадей, хлеб? Власть-то ведь, говорят, народная...

— Хлеб берут лишний,— твердо сказал Логвиненко.— В городах голодно, разруха. А у вас хлеба полно, живете сытно, белую армию кормите. Надо поделиться, а Советская власть потом оплатит. Мы воюем с врагами революции, жестоко воюем. Устают люди, выбиваются из сил кони. Мы их оставляем, а взамен берем свежих. Хозяин выкормит, выпасет, а нам некогда этим заниматься. Война есть война!.. А разве белые ездят на клячах? Не берут ничего? Ты на кляче ездил?

Казак молча отвел глаза.

— Мы жизнью рискуем. Наши товарищи погибают, а вы толкуете о хлебе, о лошадях. О себе только думаете, лишь бы было вам хорошо, а на других наплевать. Скоро сами трудящиеся будут управлять государством. Вот очистим землю от беляков, интервентов, достигнем победы и жизнь настанет такая, что и во сне не снилось... Здесь присутствуют товарищи киргизы, видно, надо сделать перевод?

— Не надо,— слышались голоса.— Все понимал! Перевод не надо!

— Беседа затянулась,— озабоченно сказал Логвиненко и, обращаясь к Садаеву и Асанову, спросил:

— Может, вы что-нибудь скажете?

— Скажем немного!— улыбнулись они, вышли вперед и крикнули:— Жашасын жолдош Ленин! Да здравствует Ленин!..

Я. Н. Логвиненко и другие красные командиры, часто вели свои отряды против превосходящего численно, хорошо обученного и вооруженного противника — белоказначьих регулярных войск — и побеждали в бою. Войсками белых руководили генералы и офицеры, им помогали образованные в военном отношении генералы и офицеры Антанты, большинство из которых имело академическое образование. Они умело, без ошибок писали приказы, боевые донесения и распоряжения. Но как бы грамотно ни писали генералы-атаманы Дутов, Щербаков, Анненков, Ярушин — им не удалось сломить стремление народа к свободе, счастью, свету. От малограмотных командиров — Я. Н. Логвиненко, А. И. Иваницына, Д. С. Садаева, А. Осмонбекова, А. Орозбекова, И. Токбаева, М. Масанчи, Т. Асанова, К. Игембердиева, Л. П. Емелева — крепко доставалось генералам-атаманам, офицерам иностранных армий.

Так, в годы гражданской войны, киргизский народ выдвинул своих героев-командиров, именами и славой которых будет всегда гордиться Киргизия...

В трудную осень 1919 года, когда над молодой Советской республикой нависла смертельная опасность, М. В. Фрунзе принимает командование Четвертой армией, которая была растянута на огромном фронте, не имея никаких резервов. Киргизские воинские части, когда-то работавшие в тылу, были превращены в кадровые части Красной Армии. Киргизские части принимали участие в боевых операциях против Колчака, Дутова и махновских банд в Уральской области.

За проявленную революционную доблесть войскам Четвертой армии, куда входила Киргизская конная бригада, которые выдержали двухмесячную осаду в Уральске, Совет Обороны объявил особую благодарность. В связи с тем, что защитники Уральска, окруженные со всех сторон врагом, не получали установленного довольствия, содержания, несли тяжелые лишения, Совет Обороны постановил выдать красноармейцам и командному составу частей Четвертой армии жалование в размере 3-месяцев за каждый месяц осады.

Это постановление подписано Председателем Совета Обороны В. И. Лениным.

В первой половине июля 1919 года части Чапаевской 25-й стрелковой дивизии соединились с осажденными в

Уральские войсками. Началось освобождение Оренбургской и Уральской областей от белых. Южная группа войск Восточного фронта образует Туркестанский фронт. Конечная цель его — полное освобождение Туркестана.

Красная Армия вступила в пределы Туркестана. С первых дней она снискала любовь народов Средней Азии. Киргизская конная бригада приказом командующего Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе переименовывается в первую Конную крепостную бригаду, перед которой ставилась задача занять Гурьевский, Актюбинский, Уральский укрепленные районы и прикрывать Туркестанское направление.

Трудным был путь к Гурьеву через Уральские степи. После его взятия для охраны Гурьевского района был назначен первый Киргизский кавалерийский дивизион. Уральский укрепленный район заняла первая отдельная Киргизская крепостная бригада в составе двух полков, Актюбинский район — первый Киргизский революционный крепостной конный полк отдельной киргизской бригады. Второй революционный Киргизский конный полк прикрывал Туркестанское направление.

Михаил Васильевич Фрунзе, обращаясь к бойцам революционной киргизской бригады, писал, что на них возлагается почетная и ответственная задача смести с лица земли всех врагов народа, внешних и внутренних, что необходимо крепить революционную дисциплину, организованность, быть беспредельно преданными делу революции. Джигит выполнит свой революционный долг до конца, — высказывал уверенность Фрунзе. Наказ командующего бригада выполнила с честью.

Джигиты второго Киргизского революционного конного полка в течение полутора месяцев преследовали остатки белоказачьих банд в Уральских и Оренбургских степях. Люди утомились, многие бойцы засыпали в седлах. Воспользовавшись короткой передышкой, остановился на привал сабельный эскадрон — ядро полка. Среди кавалеристов находились командир полка Т. Цам и военком М. Мухамедьяров. Поздно вечером в расположении эскадрона появился человек в бедной одежке.

— Я из села Елек. Оно в десяти верстах от Седово... Помогите! Бандиты на село напали. Все отбирают, запасаются продовольствием. Вторые сутки бьемся всем

селем, да уже больно их много... Посекут они нас, идолы!

— Да ты, отец, не торопись, передохни. Толком все расскажи,— попросил военком.— Что за люди?

— Слышал, у них самый главный — Сапожников или Сапожков.

— Знаем,— сказал командир полка,— этого предателя Сапожкова. Сколько бандитов-то?

— Да не меньше трехсот.

— Пулеметы есть.

— Не знаю...

Через несколько минут раздалась команда:

— Эскадрон, приготовится к построению!

На рассвете бойцы были у цели. Пользуясь внезапною, командиры решили создать картину полного окружения с тем, чтобы враг сразу убедился в полной безнадёжности своего положения.

— Командуй в атаку, командир!— сказал военком Мухамедьяров. Командир полка вынул револьвер из кобуры, приказал командиру эскадрона К. Урдабаеву:

— Бойцов — на коней. Сигнал для атаки — выстрел... Небо над селом стало светлеть.

— Самый сон,— шепнул проводник.— Все спят, сукины сыны... Деревня переполошится...

Раздался выстрел. Эскадрон ворвался в село. Внезапная стрельба и крики «ура!» сделали свое: казаки кинулись врассыпную, но их всюду настигал огонь. Многие из них побросали винтовки, подняли руки, моля о пощаде.

Так был разбит контрреволюционный отряд Сапожкова.

Кроме частей отдельной Киргизской крепостной бригады, защищавших укрепленные районы, существовали и другие киргизские части. Так, неподалеку от Павлограда дислоцировалась вторая Туркестанская кавалерийская дивизия, в состав которой входила вторая бригада, состоявшая из трех киргизских полков. С середины ноября и весь декабрь 1920 года бригада принимала участие в боевых действиях против вооруженных до зубов махновцев. Бандиты батыки Махно набрасывались на беззащитные села, грабили, отбирали у крестьян продовольствие и лошадей и, как саранча, перелетали

из одного района в другой. Своими действиями махновцы отвлекали силы Красной Армии.

Для разгрома Махно в районе Екатеринослава из состава конной Армии были выделены 11 и 14 дивизии под командой Пархоменко. В районе Павлограда против бандитов выступили вторая Киргизская кавбригада второй Туркестанской кавдивизии, Заволжская стрелковая бригада и три бронепоезда.

Мне удалось разыскать боевые донесения командиров частей и подразделений. Написанные простым карандашом, грифелем, углем на оберточной бумаге или газетах, они все же давали возможность познакомиться с героической летописью второй Киргизской кавалерийской бригады, сражавшейся в начале декабря 1920 года с бандами Махно.

В конце ноября бригада получила приказ выступить в район Павлограда. К боям с коварным врагом она была слабо подготовлена: не хватало лошадей, винтовок. Декабрьской ночью 1920 года бригада вошла в село Комары. Это был первый большой привал после тридцатикилометрового трудного пути. Стоял мороз, дороги занесло.

Утром авангард бригады — 4 полк — взял направление на деревни Богатырь и Андреевка. Как только главные силы тронулись с площади, со всех сторон, слышались пулеметные очереди, взрывы гранат косили людей и лошадей. Когда бандиты подошли вплотную, командир сотни Казбек Урдабаев и военком Бекбала Тюменбаев со своими бойцами рванулись вперед и, забросав махновцев гранатами, прорвали первую и вторую линию атакующих. За второй сотней устремились все конные подразделения. Прячась за деревьями, пешие бойцы прикрывали огнем их отход. Схватка была неравной. Остатки бригады, израсходовав запасы патронов, надеялись соединиться с авангардом. Многие бойцы попали в плен. Махновцы загнали их в амбар и школу, часть увели за деревню.

Вскоре к пленным подъехала пьяная ватага головорезов.

— Слушайте, — кричали они, — переходите до батьки Махно. У нас денег много...

Джигиты молчали. Бандиты избивали пленных шомполами, кололи штыками, выжигали на спинах звезды.

К утру оставшихся в живых подвели к большому колодезю. Кто-то крикнул:

— Товарищи, головы повыше! Умираем за Советскую власть, за дело Ленина!..

Махновцы озверели. Они бросали в колодез пленных, набили его буквально до краев. Остальных начали расстреливать.

— Дайте попрощаться,— крикнул молодой боец Базарбек и вместе с Максудом Хаджакеевым бросился на бандитов. Им удалось выхватить у растерявшихся махновцев винтовки и убить несколько злодеев. С героями жестоко расправились, избили шомполами, выкололи глаза и повесили.

А тем временем авангард бригады вел бой с кавалерией Махно, которой командовал ярый анархист Довженко. Бойцы 4 полка были хорошо вооружены, имели достаточное количество боеприпасов. Они заняли круговую оборону. Как махновцы ни хитрили, ничего у них не вышло. Бойцы сдерживали натиск до подхода Заволжской стрелковой бригады. Конница Махно, оказавшись в клещах, была разбита. В тот же день неподалеку от деревни Комары проходила 4 дивизия первой Конной армии. Она разгромила находившуюся там банду. Уцелевшие после разгрома махновцы бежали в сторону Екатеринослава, где должны были сосредоточиться их главные силы. Дивизией командовал легендарный С. К. Тимошенко.

Киргизские подразделения и части участвовали в боях на Закаспийском фронте в составе одного Ташкентского коммунистического полка и двух эскадронов 16 кавполка, позднее вошедшего в состав 8 кавбригады. На Ферганском фронте в 1920 году против басмачей вел боевые действия отдельный Киргизский кавдивизион и Киргизский кавполк второй Туркестанской дивизии. В составе 8 кавбригады были русские, казахи, киргизы, узбеки, уйгуры и дунгане. Она прославилась своей храбростью в борьбе с басмачеством.

Кроме фронтовых частей и подразделений были и тыловые воинские части, в которых проходили военную службу киргизы, узбеки и представители других национальностей. Это 9 отдельный кавэскадрон и 1 отдельный Киргизский кавалерийский эскадрон при Киргизском краевом военном комиссариате.

Однако планомерная работа по созданию национальных формирований началась после XII съезда ВКП(б), который принял специальное постановление о принципах национального военного строительства в Красной Армии.

После государственного национального размежевания, к началу 1925 года, в Киргизской Автономной ССР был сформирован отдельный Киргизский полуэскадрон в составе двух взводов — сабельного и учебного, который готовил младших командиров. После переписи населения 1927—1928 годов начался частичный призыв киргизского населения в Красную Армию.

Национальные формирования сыграли важную роль в разгроме басмаческих шаек в конце 30-годов.

Формы борьбы с басмачеством на разных этапах, начиная с 1918 года вплоть до 1930 года, были разными как в тактике, так и в политике. Фактически борьба с басмачеством была борьбой с объединенными силами иностранных империалистов и внутренней контрреволюцией. Действия басмачей скорее напоминали действия банд Махно и Петлюры на Украине.

Предпосылки возникновения басмачества на территории Средней Азии получили широкое распространение задолго до революции.

«Прародители» басмачей занимались вооруженным разбоем. Они грабили местных баев и манапов, русских богатеев, чиновников, торговцев. Широкие массы населения, хотя и относились к ним враждебно, все же часто их покрывали.

В предреволюционный период 1916—1917 годов царский режим усилил жестокость. Карательные отряды рыскали по Туркестану, усмиряли народ, убивали и расстреливали невинных. В это время басмаческое движение было загнано в подполье и не показывало своей головы до 1918 года.

Национальная политика царского правительства сводилась в конечном счете к тому, чтобы всемерно ограничить экономический и культурный рост угнетенных народностей, держать их в экономической и политической зависимости, не разрешать открывать национальные школы, принимать местных жителей в качестве рабочих на фабрики, заводы, рудники, железную дорогу. Царские опричники — губернаторы, жандармерия — творили безнаказанный произвол. Характерно воспоминание жены

генерал-губернатора Туркестанского края Духовского: «Для подавления восстания в 1916 году губернатор в специальном поезде отправился в Андижан. Туземный народ хлынул навстречу поезду. Народу было тьма-тьмущая. За несколько верст от города и вплоть до места остановки поезда тысячные толпы туземцев лежали, распластавшись, вдоль полотна железной дороги, стуча лбами о землю. Муж прямо прошел в церковь на молебствие, посвященное его приезду.

Наказание было строгим. Состояло оно в том, что сотни дехкан были убиты. Население должно снести несколько кишлаков, а на их месте образовать русское поселение в 200 дворов. Кроме того, население должно выплатить контрибуцию в 300 тыс. рублей».

После Великой Октябрьской социалистической революции появились силы, жестоко сопротивляющиеся ее нововведениям. Вдохновители контрреволюции имели стратегическую цель оторвать Среднюю Азию от Советской России и восстановить власть эксплуататоров.

Кто мог решить эту задачу? Такой силой оказалось басмачество, вдохновителями которого явились английские интервенты, бай, манапы и служители культа. Забитый, неграмотный народ еще верил в проповеди своих священнослужителей, которые утверждали, что чем скорее придет конец Советам, тем богаче и щедрей будут милости аллаха. Почву для басмачества расчищали буржуазно-националистические партии вкупе с русской буржуазией и эсерами.

Социальной базой басмачества явились эксплуататорская мусульманская верхушка, байство, ростовщики, торговцы, деклассированные слои кишлака, аула и часть трудового населения, пораженная религиозным фанатизмом, обиженная царской властью. Они искали защиты у басмачества, вливаясь в шайки, распространяли идеи национальной автономии и призывали население пополнять ряды басмачества во имя ислама.

Басмачам помогали белогвардейцы. Так, в Хиву, Бухару и в Фергану были направлены военные специалисты. Колчак просил своих хозяев — англичан — открыть кредит на содержание и вооружение ферганского басмачества, на поддержание «Кокандской автономии». Атаман Дутов сулил оказать военную помощь — прислать

оружие и воинские части. Изъявили готовность помогать оружием и боеприпасами Персия, Турция, Афганистан.

Но попытки задушить Советский Туркестан кончились крахом. Интервенты были изгнаны, контрреволюционные войска белых разбиты, Оренбургский, Закаспийский и Семиреченский фронты ликвидированы. Остался лишь 4-й Туркестанский фронт, на котором лилась кровь до 1926 года.

В 1926 году, после ликвидации басмачества, был упразднен и Туркестанский фронт.

Трудности, которые встречались на пути борьбы с басмачеством, можно суммировать таким образом. Поскольку военная сторона тесно переплеталась с политической стороной, нужно было вести большую разъяснительную работу, чтобы привлечь на свою сторону население. Одним махом ничего сделать было нельзя, так как кишлаки, аулы служили резервом для басмачества, поддерживали басмачей, опасаясь репрессий. Басмач часто растворялся в дехканской массе. Басмачи не имели ни фронта, ни тыла, ни резервов в том виде, как это понимает военная наука. Их шайки были очень подвижными, маневренными. В большинстве своем шайки насчитывали от 50 до 200 человек. Разведка басмачей незаметно — под видом мирных жителей — прочно привязывалась к нашим частям, доставляла нам немало хлопот и разочарований. Встал вопрос: можно ли ликвидировать басмачей вооруженной силой — винтовками, пулеметами, пушками, гранатами? В одном из своих приказов М. В. Фрунзе писал: «Наши трудности не в военном преодолении врага, это для нас не очень трудно, — трудность в том, чтобы все многомиллионное мирное трудовое мусульманское население поняло, что басмачество и есть враг его, что борьба с ним священная задача и опора трудового народа. Басмачество это не простой разбойник, если бы это было так, то понятно — с ним давно было бы покончено. Нет. Главной силой басмачества составляют сотни и тысячи обиженных, задетых Советской властью. Задача не так проста, как может показаться с первого взгляда. И выполнение этой задачи ждет от вас социалистическое Отечество. Требую, чтобы не слезы и горе, а радость и благородство оставляли бы за собой, проходя селения и кишлаки Ферганы. Чтобы вами оказывалась всяческая помощь и содействие трудовому населению области без различия

национальности. Только таким путем мы дадим понять мусульманской бедноте, что Красная Армия не враг, а опора и защитник ее»<sup>1</sup>.

Общими целями для всех басмаческих шаяк являлись: срыв советской и продовольственной работы, уничтожение промышленных объектов, в том числе — дорог, мостов, вредительство с грабежом и разбоем, запугивание населения, с моральным насилием над ним, втягивание его в борьбу против Советской власти, уничтожение отдельных мелких красноармейских частей, истребление партийных, советских работников и активистов.

Басмачи по нравам и моральному облику были распущены, а по жестокости не уступали махновцам и петлюровцам. Взятых в плен красноармейцев басмачи чаще всего запугивали, а у комсостава, членов партии вырезали языки, выкалывали глаза. Пленных держали в ямах без пищи и воды. Вот строчки из дневника военного комиссара Киргизского дивизиона Г. Юлдашева: «В 1919 году в селе Таш-Курган Янги-Курганской области басмачайка Амана-Палвана захватила в плен работников продовольственного отряда Увесова, Мирабидова, Умарова и братьев Мурадовых. У всех отрезали уши, резали на кусочки носы, языки, вырезали половые органы, бросили на костер и сожгли, а их жен и дочерей изнасиловали. Эта банда совершила немало надругательств и над женщинами-активистками».

Участник боев с басмачами Я. Д. Чанышев, бывший комиссар 1 татарской бригады, член партии с 1917 года, ныне генерал-лейтенант в отставке, рассказал мне историю о своей встрече с курбаши Хал-Ходжой.

...Однажды он получил известие о том, что Хал-Ходжа ищет встречи с представителями Советской власти. Верить или не верить? Бывали уже случаи, когда басмачи заманивали в свое логово, диктовали выгодные им условия. Случалось, что они убивали парламентариев. Однако обстоятельства требовали использования малейшей возможности для того, чтобы скорее покончить с бандами, избежать ненужного кровопролития.

Решено было к Хал-Ходже направить военкома бригады Чанышева. Небольшой отряд, миновав басмаческое охранение, прибыл в Араван-Кишлак. Жители кишлака

---

<sup>1</sup> М. В. Фрунзе. «На фронтах гражданской войны», стр. 308.

и сами басмачи с удивлением смотрели на группу красноармейцев, появившихся в басмаческом логове.

У двора курбаши красные конники спешили, с любопытством разглядывали роскошное убранство двора. Из калитки вышел высокий джигит, подпоясанный серебряным поясом с драгоценными камнями.

— Ассалам-алейкум,— приветствовал его Чанышев.

— Зачем пожаловал, комиссар?

— Если мы не по душе хозяину, сейчас же уедем.

— О, какой комиссар обидчивый, нельзя так, шутки надо понимать,— улыбнулся Хал-Ходжа.

Хал-Ходжа пригласил Чанышева в дом и усадил его на почетное место.

— Как большевики будут строить свои отношения с мусульманским народом, с Афганистаном, Турцией, Ираном?— интересовался Хал-Ходжа.

— Большевики за независимость народа, за равноправие и самоопределение наций. Мы не убиваем верующих, не трогаем ваши мечети, а с соседними странами хотим жить мирно.

Советники Хал-Ходжи переглянулись. Чанышев встал, вынул из планшетки письмо М. В. Фрунзе.

— О! От самого Фрунзе!— воскликнул Хал-Ходжа.— Народ его любит, и я его уважаю за ум.

Чанышев предложил:

— Прекращайте ненужное кровопролитие, признайте Советскую власть.

— А что с нами будете делать?— полюбопытствовал курбаши.

— Советская власть справедливая. Может наказать, но может и простить.

— Мы подумаем,— ответил Хал-Ходжа.

— Думать нечего. Советская власть шутить не любит, если не согласны, будем драться. Победа будет за нами. Одумайтесь, Хал-Ходжа, пока не поздно. Советская власть оказала вам доверие, а вы ей изменили. Но мы верим, что второй раз вы не поступите опрометчиво.

— Видно, комиссар, ты прошел неплохую школу у Фрунзе.— Хал-Ходжа похлопал Чанышева по плечу и предложил ему прогуляться. А сам устроил совет со своими помощниками. Часа через два Хал-Ходжа вышел во двор и официально объявил Чанышеву, что отряд его,

состоящий из тысячи человек, сдаст оружие Советской власти. Сам он с повинной явится к Фрунзе.

Так мирным путем была обезврежена одна крупная басмаческая шайка.

Борьба против басмачества протекала в сложных условиях. В аулах, кишлаках, поселках членов партии насчитывались единицы. Политическая агитация и пропаганда среди населения наталкивались на свирепое сопротивление басмачества и их пособников — байства и духовенства. В одном из районов Южной Киргизии шли выборы в Совет рабочих дехканских и солдатских депутатов. Когда на собрании стал вопрос о кандидатах, выдвинули людей из богатой среды, и сколько бы пропагандисты ни старались убедить присутствующих, что они не достойны быть депутатами, выборщики кричали: «Мулла, бай посланы аллахом, они наши спасители, веками им подчинялись и будем подчиняться, голосуем только за них!»

Партийная организация в Ошском уезде создавалась в условиях разгула басмачества. Вести политическую работу среди населения можно было только с помощью добровольческих отрядов из местного населения и русских, которые вместе с частями Красной Армии сражались с басмачами. Но запугать коммунистов было трудно, они оставались на своих местах и продолжали выполнять поручения партии.

В августе 1919 года с приездом М. В. Фрунзе в Туркестан борьба с басмачеством стала более организованной, особенно после ликвидации Актюбинского, Закаспийского и Семипалатинского фронтов. Мероприятия по привлечению в органы Советской власти и отряды Красной Армии из местного населения рассеял и страх дехканских масс перед басмачами.

Но военно-политическая обстановка продолжала оставаться беспокойной, несмотря на взятие Красноводска и разгрома белоказачьих войск Дутова, Анненкова. Изучая тактику и повадки басмачей, М. В. Фрунзе вырабатывал специальный план борьбы с басмачеством, придавая этой борьбе особое значение. Была создана система гарнизонов в тех местах, где басмачество активно проявляло себя.

В 1918—1920 годы в Фергане и на юге теперешней Киргизии существовало много басмаческих шайк. В од-

ном только Джалал-Абадском районе рыскали десятки шаек численностью каждая более ста человек. Они терроризировали население, нагоняли страх, под силой оружия принуждали дехкан вступать в банды. В то время на территории Ферганы и Ошского уезда было мало частей Красной Армии, подразделения были разбросаны по наиболее крупным пунктам.

Басмаческое движение охватило районы Оша, Джалал-Абада, Узгена, Намангана, Базар-Курганский участок и Алай. Опасными врагами стали «Мусульманская армия» Мадамин-Бека и «кулацкая армия» провокатора Монстрова. Общая численность этих армий достигала более 12 тысяч человек. Басмачам удалось на время изолировать Южную Киргизию. Они захватили Ош и Джалал-Абад, распространив свое влияние на пограничный участок, надеясь получить иностранную помощь, а в случае неудач военных действий против Советской власти, использовать его для отхода за кордон.

Во второй половине сентября 1919 года местные части при помощи Казанского полка и интернационального отряда, прибывшего из Ташкента, выбили басмачей из Оша, а через несколько дней — и из Джалал-Абада. Враг понес большие потери и в панике бежал к границе. Через некоторое время недобитое басмаческое отребье, накопив силы, спустилось с Алайских гор в Фергану и Южную Киргизию. На этот раз вел басмачей на разбой новый главнокомандующий «мусульманской армии» Кур-Шермет. На его зеленом знамени было написано: «Нет бога, кроме бога, а Магомет пророк его».

«Мне,— рассказывает комбриг 8-й бригады Яков Аркадьевич Мелькумов в своей книге «Туркестанцы»,— долго пришлось гоняться за Кур-Шерметом, это была хитрая и очень опасная фигура. Неуловим. Профессиональный разбойник. Даром, что имел один глаз, а видел кривой Шермет далеко...

Скрылся бестия. Ищу один месяц, другой, а гнезда найти не могу. Коней замучил и людей, а кривого не найду. Подъехал как-то арбакеш (возчик) в рваном халате, кругом в лохмотьях, в стоптанных ичигах, и потребовал, чтобы его впустили к Якуб-Тюре, к Мелькумову, и он ему рассказал, где банда Кур-Шермета стягивает свои силы. Возчик сказал, что может довести кавалеристов до

стоянки бандитов и попросил винтовку. Возчик привел отряд к Кур-Шермету. Бой длился несколько часов. Банда рассеялась с большими для нее потерями. Сам Кур-Шермет скрылся...

Однажды после боя с басмаческой шайкой Киргизский кавалерийский дивизион под командованием С. Кучукова остановился на привал. К бойцам подошел глубокий старик, одетый в лохмотья. Его спросили: почему он такой худой? Старик тяжело вздохнул, кинул щепотку насвая в рот и протер костлявыми загорелыми руками свои больные глаза, стал рассказывать, как тяжело жилось под властью бая. Бай мог ударить, если ему, покажется, что не так посмотрел, не так поклонился. «Я всю свою жизнь,— продолжал старик,— простоял на коленях перед чиновниками и баями, а сколько земных поклонов сделал — не пересчитать, от того и скорчился. Да разве один я такой? На коленях стояла вся беднота. Работали от зари до зари, гнули спину на своих и русских богатеев. Сколько мои руки побросали земли! Слава аллаху, что вы не застали этого. Теперь все равны — узбек, таджик, киргиз, туркмен, русский. Все из одного котла плов едим... Чиновников и баев нет. Все сейчас мой — твой... Аксакал Ленин принес нам освобождение. Но спокойно не дают жить басмачи, дехкан грабят. Воду, скот, жен отбирают. Когда это кончится?» Старик заплакал. Красноармейцы стали его успокаивать. Вскоре Красная Армия, взаимодействуя с добровольческими отрядами киргизской бедноты, отрядами милиции, оперативными отрядами ОГПУ, местными партийными, комсомольскими организациями, Союзом «Кошчи», разгромила басмачей. А еще раньше М. В. Фрунзе распорядился, чтобы все воинские части помогали трудовому дехканству обрабатывать земли, убирать урожай, активно включились в политмассовую работу среди населения. Фрунзе прекрасно знал обычаи местных жителей. Вот характерный эпизод. Беседа с командиром Киргизского полка, Фрунзе спросил его:

— Почему без бороды?

Командир полка замялся, не зная, что ответить. Командующий продолжал:

— В глазах мусульман борода служит признаком умудренного человека. К такому человеку больше дове-

рия. Борода — это авторитет, если хотите знать, небольшой кусочек политики.

Фрунзе не пришлось окончательно ликвидировать Туркестанский фронт, его назначают командующим Южным фронтом. 10 сентября 1920 года он писал: «До сих пор все чаяния наших врагов разбивались о великую стойкость рабочих и крестьян, удушения нашей революции кончились крахом. Армия Туркфронта, начав с разгрома колчаковских, дутовских и толстовских банд, довершает ныне свою работу, очищая Туркестан от контрреволюционных полчищ, местных самодержавных властителей... Я уверен, что впредь Красные полки Туркестана, куда бы их не поставила рука Революции, сумеют поддержать свою боевую революционную славу и успешно завершат начатую борьбу».

Дальнейший ход борьбы с басмачеством показал, что войска Туркфронта, при активном участии трудового населения, с честью выполнили наказ легендарного полководца.

В начале 1924 года сохранились лишь отдельные небольшие очаги басмачества в труднодоступных районах Туркестана, близких к пограничной полосе. Через них передавались за кордон сведения о жизни Советского Туркестана, о степени активности агентуры и пособников басмачества. После 1925 года басмачество появилось уже не на почве разрухи, а на почве нашего хозяйственного роста и укрепления. Политика партии в деревне вытеснила кулака, бая. Им все труднее становилось эксплуатировать дехкан. Простой народ шел за помощью к Советской власти.

Для бая оставалось два выхода: или потерять всякую надежду на обогащение, или драться до последнего за свой карман. Драться втихую, убивать кишлачных и аульных активистов, преследовать женщин-активисток, втираться в доверие, подрывать советский аппарат изнутри.

Байство и духовенство устанавливают связь с зарубежным басмачеством, с остатками шаек и главарями, бежавшими за границу, посылают за варягами, живущими в Афганистане, которые вместе с Эмиром Бухарским на базаре торгуют каракулевыми шкурками, закупают оружие и готовятся в новый поход.

В боях с басмачеством участвовали командир Киргизского кавалерийского эскадрона Мурзабаев, командир Киргизского отряда М. Базарбаев, командир отряда П. Кудайбердиев, командир Кара-Киргизского кавалерийского дивизиона А. Осмонбеков, комиссар дивизиона Г. Юлдашев.

Подвиг дивизиона был отмечен в приказе за подписью М. В. Фрунзе 20 июня 1920 года.

За мужество и героизм, проявленных в боях с басмачеством, более тридцати человек награждено орденами Боевого Красного Знамени и орденами Бухарской республики. Многие награждены грамотами ВЦИК. Среди награжденных орденом Боевого Красного Знамени: А. Осмонбеков, Д. Исангалиев, С. Алдекеев, А. Орозбеков. Из рядового состава особо отличились А. Джанаркулов, К. Мазуров, И. Бектемиров, К. Эшкебеков, Ш. Жантаев.

Их подвиги живут в памяти народа.

Киргизский народ вместе с Красной Армией, под руководством партийной организации, которая мужала в борьбе с хозяйственными трудностями, закалялась в боях и сражениях, наголову разбил басмаческие шайки. Однако через пять лет бандиты вновь подняли головы.

Народ Южной Киргизии трудился, укреплял Советскую власть, залечивал раны. Вылазки врагов начались в то время, когда наша страна осуществляла индустриализацию, когда произошел великий перелом в развитии колхозного движения и началась сплошная коллективизация.

Советская власть перешла к политике ликвидации кулака как класса. По мере усиления социалистического строительства и ликвидации баев и кулаков классовая борьба в кишлаках, аулах, аилах обострилась. Пользуясь ошибками в коллективизации, в политике продналога, враги проводили свою работу среди наиболее отсталой части населения. Контрреволюционеры трясли старым лозунгом борьбы с нарушителями устоев шариата и мусульманской веры.

Издыхающее басмачество устремилось в Афганистан, правительство которого оказало одинаково радушный прием и бывшему эмиру Бухарскому, и Кур-Шермету, и Джупан-Хану, и Ибрагим-Беку, и Максум-Фазуили, и многим другим басмаческим главарям и их шайкам.

За кордоном басмачи быстро освоились, обжились и лишь изредка напоминали о себе, пытаясь проскользнуть на нашу территорию.

В пограничной зоне скопилось много басмачей. Их шайки были прекрасно вооружены. Во главе стояли известные жестокостью курбаши, в свое время изгнанные из пределов Советской страны. Как волчьи стаи кружились басмачи у границы, вдохновляемые английским капитализмом. Он их снабжал оружием, боеприпасами, деньгами, снаряжением.

В конце февраля 1929 года бывший эмир Бухарский, торгующий каракулем в Афганистане, собрал на военный совет видных курбаши, на котором было выработано воззвание, призывавшее население к борьбе против земельно-водной реформы, требовавшие возврата байских земель, закрепощения женщин и т. д.

В марте 1929 года на границе с Афганистаном появилось более 15 банд численностью от 50 до 70 человек в каждой. Предполагалось, в случае удачи, что за ними двинутся главные силы Кур-Шермета, Ибрагим-Бека, а из Китая — Джаныбека-Казы.

Байство и духовенство стали организовываться для открытого выступления против Советской власти, привлекать на свою сторону несознательное или обиженное аульное население, ведя открытую антисоветскую агитацию, совершая покушения на советских и партийных работников из бедноты. Они искали поддержки у бывших басмачей, живущих в аулах, кишлаках. Через свой посреднический аппарат, через сочувствующих усилилась связь с главарями басмачества за границей и всеми басмачами и курбаши на территории нашей страны.

Первоначально для разведывательных действий были избраны районы Таласа и Узгена Ошской области и Гарма в Таджикистане. На долю киргизских воинских соединений выпала жестокая борьба с басмачеством...

Сводный отряд Киргизского кавалерийского дивизиона и школы младшего состава под командованием П. Вахалова и комиссара Х. Мамашова во взаимодействии с пограничниками получил задачу разгромить банду Джаныбека. Путь отряда от Пишпека до перевала Суяк, где пограничники уже несколько дней вели бой с басмачами, был длинным.

На северной границе Узбекистана с Киргизией жило

племя кипчаков. Предводитель кипчакского басмачества Аман Палван подчинялся Кур-Ширмету, который беспokoился, как бы кипчаки не стали сводить счеты с узбеками, поэтому всячески ограничивал их вооружение.

Кипчакские кишлаки располагались в верховьях арыков, поэтому они фактически распоряжались водой. В 1928 году правительство приняло решение, которое определяло пропорциональное пользование водой, чем был нанесен удар зажиточным владельцам рисовых полей. Это было на руку курбаши Мадумару.

Надо отметить, что уровень партийно-политической работы среди кипчаков был очень низким. На все племя было всего 10 партийцев, из коих 5 вскоре были исключены из партии. Кипчаки почти не выдвигались на работу в советский аппарат. Это национальное меньшинство находилось под большим влиянием байства и духовенства.

Этим и воспользовался Мадумар.

5 сентября 1929 года он открыто выступил против Советской власти. Начал с ограбления учреждений и кооперативов. Громил Советы, резал кишлачных активистов. Шайка его ограбила Кетмень-Тюбе — центр наиболее глухого района Ошского округа. Избегая встреч с национальными киргизскими подразделениями, Мадумар оперировал в далеких горных районах и лишь изредка наведывался в Ферганскую долину.

Население боялось Мадумара. Так, однажды под влиянием слухов о прибытии шайки Мадумара половина населения покинула Кетмень-Тюбинский район.

Другим влиятельным среди басмачей человеком был Мир-Вали. Из семьи бедняка, бывший басмач, он был осужден на восемь лет за убийство жены. В 1928 году снова был взят под стражу по подозрению в убийстве двух женщин, снявших паранджу. Из-под ареста бежал, сколотил банду в 10—12 человек и оперировал в густонаселенном Наманганском районе. Маленькая шайка была неуловима. Почти год она занималась убийствами советских работников. Банда состояла из уголовников, бывших басмачей, скрывавшихся от наказания.

Мир-Вали убил шесть партийцев, двух комсомольцев, пять беспартийных дехкан-активистов. После судебного процесса над его пособниками Мир-Вали, мстя за друзей, особенно усилил террор. «Каждый мусульманин

должен убивать по 1000 человек»,— писал в своем воззвании этот «сын Ислама». !

Мир-Вали держался больше всех. Уже давно сдался Мадумар. Одинокó бродил покинутый джигитами Истанбек. Рассыпались курбаши и помельче, в том числе Ярмат-Максум.

Однажды в кишлаке Беш-Бадам Мир-Вали был захвачен Киргизским добровольческим отрядом врасплох, спящим. При нем был револьвер и охрана в два человека. Пока производили обыск, он сумел бежать. Погнались за ним, открыли стрельбу, но Мир-Вали, развязав на бегу руки, скрылся. И только после ликвидации всех шаек в начале 1930 года он был вторично пойман, а шайка его была ликвидирована.

Оставался на свободе только контрабандист Джаныбек-Казы. Бывший бай был очень влиятельным среди населения Южной Киргизии, оперировал главным образом в Узгенском районе. А базу имел в Китае. Хитер был старик.

Видный участник старого Ферганского басмачества, он после сдачи принимал активное участие в ликвидации басмаческих шаек. Даже имел правительственные награды. Но жестокая политика в отношении помещиков, племенных вождей и байства пришлась не по вкусу старику. Весной 1927 года, после крупной операции против контрабандистов и валютчиков, перед завершением земельно-водной реформы в Ошском кантоне, Джаныбек стал во главе антисоветского выступления. Сколотив шайку в 700 человек, он ждал помощи из Афганистана. Джаныбек не щадил ни сил, ни средств, пудами раздавал золото на организацию шаек. Но население его не поддерживало. Он время от времени делал грабительские вылазки из Китая на нашу территорию. Джаныбек приказывал населению не платить сельхозналог, не вести хлебозаготовки. Ослушавшихся ожидала смерть.

К шайке присоединился мулла Усман-Ишан, имевший большое количество мюридов. Он оказывал громадное влияние на религиозное население. Усман-Ишан много сделал для оформления шайки и численного ее усиления. В одном из боев Усман-Ишан был убит.

Джаныбек почти все время оперировал на территории Ошского округа. Его активность была следствием следующих обстоятельств: оживленном антисоветской дея-

тельности баев в связи с классовым наступлением на них, хлебозаготовками, с одной стороны, и обострением отношений Джаныбека с китайскими властями, с другой.

В горной местности советское строительство шло медленно. Было много ошибок, извращений, устранялись они во много раз медленнее, чем в долине. В горах был простор для деятельности шаек и много возможностей для антисоветских провокаций.

Многие жители гор не разбирались в обстановке. Иногда они не давали красным отрядам сведений о кочевке и местах отдыха басмачей. Банды заставляли население уходить в горы со скотом и имуществом.

Басмачество, возглавляемое Джаныбеком, захватило крупный район. Внезапность выступления припесла Джаныбеку успех. Он со своей многочисленной шайкой ушел в район перевала Кара-Шура и стал приводить в оборонительное состояние место своей стоянки. Курбаши выслал заслон в Урач с целью обеспечения отхода в Нарынский район. Другой заслон обеспечивал возможное отступление в сторону Узгена. Джаныбек оставил 400 хорошо вооруженных джигитов. При нем же находилась часть населения.

Создававшаяся обстановка требовала активного политического воздействия на население с целью заставить Джаныбека сложить оружие и сдаться Советской власти.

Для ликвидации шайки штабом округа были задействованы войска в Нарынской и Узгенской группах, а также предусматривалось иметь большой заслон в случае прорыва банды в Алайскую долину и Талас.

Решением Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) было мобилизовано несколько сот комсомольцев. Из них и красноармейцев запаса сформировались добровольческие отряды для оказания помощи районам, зараженных басмачеством с тем, чтобы обманутые трудящиеся отошли от Джаныбека. Ставилась цель разоблачить его как авантюриста, контрабандиста, ярого врага Советской власти.

Преследуемый подразделениями Киргизского кавалерийского дивизиона и частями ОГПУ, Джаныбек совершал рейды по нынешней Ошской области, быстро ускользая от преследователей и неожиданно появляясь то в одном, то в другом районе.

Таким образом, басмачеством под властью Джаныбека в 1929—1930 годах были охвачены районы Узгена, часть Ошского района, Таласская и Чаткальская долины.

На пятки шайке Джаныбека наседали красноармейцы. Надо было отрезать пути курбаши, не допустить, чтобы он перешел через перевал Суяк — граница рядом. Кавалеристы подошли к перевалу. Басмачи знали о приближении отряда, но никак не предполагали, что пограничники будут наступать на рассвете.

Кругом было тихо, спокойно. Невдалеке приглушенно шумела река Суяк. Командир отряда отдал приказание выделить усиленное головное охранение с ручными пулеметами, а также несколько человек из доброотрядцев под командованием Кенембая Молтоева — Шыгая Желденова, Тенти Орозолиева, Исмаила Кошубекова. Общее командование головным охранением отряда было поручено Асану Алиеву и его заместителю Егемберди Бекбашеву. При встрече с равными силами противника они должны были вступить в бой, при превосходящих силах — держать оборону до подхода главных сил отряда.

Когда бойцы выехали на гребень, то увидели слабо горевшие костры: там притаились басмачи. Тихо, почти беззвучно движется отряд. Наконец, раздаются выстрелы. Это дали сигнал к наступлению разведчики, которые, видимо, заняли хорошую позицию. Отряд нанес стремительный удар. Басмачи, не выдержав натиска, скатились за перевал Суяк, оставили много имущества и лошадей. Преследовать их было очень тяжело: глубокий снег, снежные обвалы, хрупкий лед не давали возможность догнать противника в конном строю.

Через несколько минут конная разведка доложила условным знаком, что противник ушел.

Совместная операция отряда с пограничниками закончилась. Это было в конце июня 1927 года.

В 1929 году из числа бойцов Киргизского кавалерийского дивизиона был сформирован новый отряд, который послали на подавление банды, вышедшей из Чаткальской долины в Чимган и Бричмулла. Предстояло сменить курсантов Ленинской школы и приступить к ликвидации банд курбаши Мадымара и Стамбека.

Банда Стамбека, узнав о прибытии Киргизского кавалерийского отряда, стала быстро отходить в долину реки Чаткал. Отряд действовал в сложных условиях горной

местности и высоких перевалов, вдали от населенных пунктов и без снабжения.

Первый день преследования прошел спокойно, двигались по горным тропам, вытоптаным пастухами, на которых басмачи часто устраивали засады. Чтобы уберечься от нападения, высылали вперед разведывательные дозоры.

При спуске в урочище небольшая группа бандитов обстреляла отряд и стала удаляться. Однако бойцы сумели взять в плен несколько басмачей. На допросе пленные показали, что Стамбек и Мадымар ожидают из Кирков обоз с оружием и боеприпасами.

На третий день преследования дозоры отряда захватили целую группу басмачей, которые везли патроны, деньги и подарки Стамбеку.

Спустившись в Чаткальскую долину, обнаружили, что населенный пункт, в котором находилась мечеть Идрис-Пайгамбар — ныне Янги-Базар, — совершенно безлюден. Басмачи увели население с собой. Однако с приходом отряда некоторые жители стали возвращаться. Все попытки установить месторасположение банды окончились безрезультатно.

Прибывшему в отряд уполномоченному ОГПУ Бишеву все же удалось узнать, куда ушли басмачи. Пытаясь склонить курбаши Мадымара и Стамбека к сдаче в плен, он послал к ним двух местных жителей. Но они не вернулись, их живыми сожгли на костре.

Банда торопилась в Ферганскую долину. Отряд продолжал преследование. Чтобы лишить банду продовольствия, всем кочевникам было дано указание спуститься в долину. Вскоре наступили холода, среди бандитов началось брожение. Они поодиночке стали сдаваться в плен. Им выдавали справку о добровольной сдаче и отпускали домой. Отряд спас многих женщин от расправы и надругательства.

Своими умелыми и геройскими действиями Киргизский кавалерийский дивизион в двухмесячных боях полностью разгромил шайку Стамбека в ущелье рек Найда и Сара-Камыш, вынудил ее главарей — духовного вожака Насырхана-тюре и Мадымара-датха — сдаться.

Большую помощь в боях им оказывали уполномоченные ОГПУ Булатов, Дуров и другие. Не легко было от-

ряду, но с возложенными задачами его руководство справилось блестяще.

В 1930 году отряд Киргизского кавалерийского дивизиона был срочно переброшен в Ферганскую долину. Не доезжая тридцати километров до города Ош, отряд выгрузился и походным порядком направился на Гульчу с тем, чтобы настигнуть банду курбаши Гаибпансата, который привел из-за рубежа несколько сот вооруженных всадников с целью убийства советских и комсомольских работников и грабежа местного населения.

Отряду приходилось преодолевать высокие перевалы. Люди и лошади сильно переутомились, поэтому двигались медленно. Басмачи же брали лошадей прямо из табунов, захваченных у скотоводов. Эта банда угнала несколько тысяч овец, сотни голов рогатого скота у скотоводов Алайской долины.

Спустившись в долину с перевала Буле-Ауу, отряд неожиданно, как снег на голову, обрушился на банду. Банда была уничтожена, бесславная смерть подстерегла курбаши Гаибпансата.

В бою отличились Ш. Дубуроев, А. Алиев, Т. Усупбеков, Б. Тулегенов, К. Кузембаев и другие солдаты Киргизии.

Утром 1 августа 1930 года подразделения строились, чтобы идти на стрельбище. Вдруг трубачи заиграли сбор командиров. Через минуту они были в штабе дивизиона. Командир дивизиона сообщил: из округа получено распоряжение — дивизион завтра должен быть в Ташкенте в полной боевой готовности.

На следующий день эшелон прибыл в Ташкент и остановился на воинской площадке. Бойцов встречали командующий округом тов. Дыбенко, начальник политуправления округа и несколько командиров из штаба округа.

Товарищ Дыбенко поздоровался с командирами и объявил новый приказ. В Ферганской долине, на территории Ошской, Джалал-Абадской областей, действуют несколько групп басмачей, которые ночью налетают на кишлаки, айлы, колхозы, совхозы, убивают людей, грабят имущество, магазины и банки, угоняют скот. Банды не дают жителям заниматься мирным трудом.

Командование округа решило послать туда Киргизский кавалерийский дивизион, который отлично выпол-

нил боевые задания по ликвидации банд басмачей в Таласе, Чаткале и Тянь-Шане. Товарищ Дыбенко выразил надежду, что личный состав дивизиона и на этот раз с честью справится с поручением.

— Желаю всему личному составу дивизиона боевых успехов,— сказал в заключение командующий.

Пока командиры получали пулеметы, Усман Ильмурадов собрал парторгов, комсоргов, агитаторов и поставил новые задачи, вытекающие из приказа товарища Дыбенко.

В дивизионе было много бойцов из Советского, Куршабского, Гульчинского, Алайского районов, где орудовали басмачи. Родители в письмах сообщали о зверствах бандитских шаек. Поэтому красноармейцы и курсанты с нетерпением рвались в бой.

3 августа эшелон прибыл на станцию Ош, выгрузился и походным маршем двинулся по маршруту Ош — Куршаб — Узген — Алайка — Кок-Су. По пути политработники проводили разъяснительную работу среди населения. На малых и больших привалах жители собирались возле красноармейцев.

В конце августа дивизион переправился через реку Кок-Су и внезапно наткнулся на расположение басмаческой банды. Командиры разделили бойцов на две группы: первая должна была нанести главный удар, вторая — помогать ей. Когда до басмаческих юрт осталось примерно 300 метров, Ильмурадов подал команду:

— Шашки к бою, вперед!

Кавалеристы бросились к юртам, свалили их и унесли подальше от стоянки. В этот момент послышалась команда для второй шеренги:

— Шашки к бою, в атаку!

С места рванули карьером, налетели на басмачей, растерявшихся от страха. Некоторые басмачи успели отбежать в сторону, но и они попали под острые шашки кавалеристов.

Ликвидация банды басмачей продолжалась до 10—11 часов. На земле лежали трупы бандитов. Среди убитых оказалось тело главаря Ады-курбаши.

Так были ликвидированы остатки басмачей на территории Ошской и Джалал-Абадской областей.

Но через некоторое время басмачи начинают действовать в Таласской долине. Они напали на город Ак-Чий

(ныне Талас). Малочисленный гарнизон и жители отбили атаки, но басмачи успели ограбить магазины, сберкассы, госбанк, убить некоторых партийных и советских работников. Затем они отступили по направлению села Краснооктябрьское и направились в урочище Бешкуль. К банде примкнули местные кулаки, их сыновья и родственники. Дивизион под командованием Семена Михайловича Швецова должен был ликвидировать банду. В Александровке (ныне Кировка) выяснили некоторые подробности налета на Ак-Чий. Численность басмачей — 400—500 человек, командовали ими курбаши Шадыбек и Суеркул. От них можно было ожидать любой подлости.

По-видимому, шайка была осведомлена о приближении красных конников. Часть басмачей залегла в ущелье Урмаралы. Отделение красноармейцев под началом Кадыркула Качкеева с одним ручным пулеметом выступило вперед, чтобы обследовать подход к ущелью. Однако до цели было еще добрых 2—3 версты, как пули засвистели над головами бойцов. Разведчики помчались в обход, зашли с правого фланга и блокировали путь отступления к ущелью. Хотя басмачи дрались ожесточенно, перелом наступил быстро. Часть басмачей разоружили. Лишь те, кто не принял боя и сразу же свернул в сторону ущелья Бешкуль, исчезли. Погоня не дала результатов. Да и не было на это времени: пленных нужно было доставить в штаб, так как они могли дать ценные сведения.

Командир дивизиона Швецов решил изменить первоначально разработанный план. Если идти в лобовую атаку, шайка отступит к перевалу Бешкуль. Тогда ищи ветра в поле. К тому же в ближайшем ущелье басмаческий заслон мог нанести серьезные потери главным силам отряда.

Решено было разделить дивизион на две части. Отряд в составе полуэскадрона под командованием Б. Тулегенова направился через Кара-Коюн, Сарыжон, Табылги-Сай и Ат-Жайлоо на захват перевала Бешкуль. Задача — не допустить басмачей к перевалу, совместно с основными силами окружить врага и уничтожить. Отряд сделал крюк в семьдесят верст, обошел Бешкуль и неожиданно напал на охрану врага.

Главные силы эскадрона под командованием Б. Доскенова ударили в лоб.

Весть о том, что перевал занят красными конниками, вызвала большой переполох в лагере врага. Вышло, что путь к отступлению отрезан. Горы, всегда служившие укрытием и защитой, превратились для шайки в западню.

Поняв это, басмачи яростно обрушились на бойцов Тулегенова. До полудня отряд отбил несколько атак озверевших бандитов. Потери росли с каждым часом. Но и ряды басмачей заметно поредели.

Вскоре подоспели основные силы эскадрона. Началось общее наступление. Дружное «ура» потрясло горы, заговорили пулеметы. Враг метался из одного конца ущелья в другой, но повсюду патыкался на меткий огонь красных конников. Курбаши Эркимбек и Чотон поняли безвыходность положения и сдались в плен. А их помощники Шадыбек и Суеркул исчезли в неизвестном направлении. Впоследствии они были пойманы и строго наказаны.

Всего в период операции убито 120, взято в плен 150 басмачей.

Не было среди кызыл-аскеро́в трусов. Киргизский кавалерийский дивизион, взаимодействуя с другими частями, блестяще справился с боевыми и политическими задачами, поставленными перед ним военным Советом Среднеазиатского Военного округа (САВО). Бойцы, командиры и политработники дивизиона проводили также большую политическую и агитационную работу среди населения.

А. Вахитов, К. Кузембаев, С. Швецов, Б. Даскенов, Х. Мамашев, К. Качкеев, Т. Усупбеков, К. Кадыралиев, К. Боронбаев, Т. Тахтогулов П. Вахалов, О. Лайлиев, И. Осмонов, Б. Самсалиев, А. Токсабаев, М. Чукуев, Ш. Джураев, А. Цейер, Б. Тулегенов, М. Орозбаев, М. Муров, О. Саралинов, М. Давлетбаев, Д. Ногайбаев, Р. Каработосев, К. Терекбаев, А. Алиев, А. Рысбаев, У. Ильмурадов, Э. Бекбашев и другие воины отмечены в оперативных сводках и боевых донесениях, награждены боевыми орденами Советского Союза, грамотами правительства Киргизии и именным оружием.

С момента национального размежевания республик Средней Азии начался новый этап советского военного строительства, переход от армии военного времени к ар-

мии мирного времени. Решениями партии был намечен ряд мер по укреплению мощи Советских Вооруженных Сил. В частности, предусматривалась смешанная кадровая территориально-милиционная система комплектования, создание национальных воинских формирований.

В решениях XII съезда партии, состоявшегося весной 1925 года, указывалось два пути, по которым должно было идти национальное строительство в Красной Армии: усиление воспитательной работы по укреплению братства и единения народов Советского Союза; съезд предложил также приступить к формированию национальных частей внутри Красной Армии. Партия и правительство исходили из того, чтобы каждый гражданин в минуту опасности мог выступить с оружием в руках на защиту Родины.

Национальные воинские части были могучим средством изживания межнациональной вражды между народами. Возвращавшиеся из частей бойцы, прошедшие хорошую политическую школу, становились замечательными пропагандистами Советской власти. Национальные части являлись школой подготовки партийных и советских работников. Киргизская молодежь закаляла себя, училась беззаветно служить своему народу, делу Коммунистической партии.

Создание национальных частей было вызвано как видно, не только мерами обороноспособности, но и в значительной степени явилось общеобразовательной, политической школой.

На III съезде Советов СССР было обращено внимание на то, что строительство национальных войск может быть обеспечено лишь при самом широком и деятельном участии местных органов власти, путем создания необходимой для этого базы как в отношении образования прочных кадров командно-политического состава, так и в смысле подготовки населения к службе в регулярных частях.

В каждой республике был установлен особый порядок отбывания обязательной воинской службы. В Киргизии отбор добровольцев производился через партийные, комсомольские, профсоюзные организации и Союзы «Кожичи». Данные, к примеру, 1926 года по Фрунзенскому, Каракол-Нарынскому, Джалал-Абадскому и Ошскому округам свидетельствуют о большом наплыве доброволь-

цев. Например: в Каракол-Нарынском округе пришли записаться на призывной пункт 109 человек, а требовалось 25 человек. Во Фрунзенском записалось 110 человек, а нужно было 37. По Ошскому округу записалось 187 человек.

Из 108 прошедших комиссию человек, 90 были батраками, 75 неграмотными, 33 — малограмотными. Комсомольцев насчитывалось 63 человека.

Принцип комплектования для партийных и комсомольских организаций в порядке обязательном и добровольном для остальной молодежи оправдал себя. Но этот принцип был приемлем при первоначальном формировании, ибо людей требовалось немного. А в последующем была введена всеобщая воинская повинность.

Осенью 1931 года начался первый призыв киргизской молодежи 1909 года рождения.

Балыкчинский район, например, помимо призывников прислал 148 человек добровольцев.

Большую заботу о наборе в армию проявляли партия и правительство республики. Бюро Киргизского Обкома ВКП(б) вынесло 5 мая 1925 года специальное постановление по этому вопросу.

К началу 1925 года в Киргизской АССР был сформирован Отдельный кавалерийский полуэскадрон в составе двух взводов — сабельного и учебного. Учебный взвод затем стал школой подготовки младшего комсостава, а сабельный взвод был развернут в Отдельный Киргизский кавалерийский эскадрон. В конце 1927 года Отдельный Киргизский кавэскадрон и Киргизская школа подготовки младшего комсостава переформировываются в Отдельный Киргизский кавалерийский дивизион в составе двух сабельных эскадронов, взвода связи, пулеметного взвода и дивизионной школы подготовки младшего комсостава.

После 1930 года отдельный Киргизский кавдивизион становится 53 Киргизским кавалерийским полком.

На X сессии Верховного Совета СССР было принято дополнение к Конституции, согласно которому, руководящая основа организации войскового формирования в республиках закрепляется за Союзным государством, а установление порядка в войсковом формировании относится к компетенции Верховного Совета каждой союзной республики.

За четырнадцать лет существования киргизских национальных частей народ Киргизской республики, как народы и других братских республик, под руководством своей Коммунистической партии, мужественно и самоотверженно боролся с врагами, боролся за ликвидацию неграмотности.

Бурно расцвела культура национальная по форме и социалистическая по содержанию. Киргизский народ прочно и навсегда вошел в семью равноправных народов, тесно сплотился с русским народом и другими национальностями. В силу общего роста, экономического, политического и культурного, острая нужда в партийных, советских, колхозных, профсоюзных кадрах резко пошла на убыль. А так как классовый враг внутри республики был истреблен, следовательно, и успешно было завершено выполнение исторической миссии, возложенной на национальные части Киргизии XII съездом ВКП(б), поэтому отпала необходимость в дальнейшем иметь свои национальные части.

Советское правительство признало возможным и своевременным расформировать Киргизское военное формирование. Военная служба в Красной Армии стала проходить на общих основаниях закона об обязательной военной службе. Киргизы стали призываться в Красную Армию во все рода наравне с другими национальностями.

Много громадных трудностей стояло на пути национального формирования. Укажем лишь на некоторые из них. В мае 1924 года была организована Туркестанская объединенная национальная школа, впоследствии переименованная в Объединенную Среднеазиатскую военную школу имени В. И. Ленина. Удивительно, что слух об этой военной школе быстро дошел до Памира. С гор в овчинных штанах, в малахаях, с курджунами за плечами, загорелые, запыленные, но бодрые парни шли пешком из тянь-шаньской горной глуши от границы Китая в военную школу аксакала Ленина.

Первый выпуск школы был произведен в 1926 году: 30 пехотинцев и 17 кавалеристов.

В каждой национальной части имелась школа по подготовке младшего комсостава. Подготовка курсантов в основном протекала так же, как и в полковых школах Красной Армии. И с каждым годом требования к отбору в школу повышались.

Были затруднения по вопросам языка, испытывали недостатки в военно-политической литературе на местном языке, особенно воинских уставов и наставлений. Команды подавались на русском языке, изучение уставов, оружия, политические вопросы, огневая и физическая подготовка проходили на местном языке с несовершенным переводом. Главными методами обучения были метод индивидуального подхода, наглядность, пример командира и показ того или другого приема.

Строго соблюдался распорядок дня: подъем в 6 утра, до 8 часов уборка лошадей, физзарядка, завтрак. 8 часов в сутки боевой и политической подготовки и 4 часа внешкольной общеобразовательной подготовки.

Хорошо были оборудованы ленинские комнаты, где красноармейцы проводили личное время, читали, писали письма, готовились со своими младшими командирами к очередным занятиям.

Партийная организация киргизской части через ЦК партии Киргизии добилась помощи в оформлении ленинских уголков. В этом и других вопросах всегда оказывал помощь и ни в чем не отказывал почетный красноармеец секретарь Киргизского Обкома ВКП(б) тов. Садаев. Он был частым посетителем и беседчиком с кызыл-аскерами киргизской конницы, восхищался лихостью джигитов во время конно-спортивных состязаний.

Интересно напомнить, что решением Реввоенсовета республики в 1924 году красные уголки переименованы были в ленинские уголки. Они были призваны напоминать бойцам о великих заслугах умершего вождя, порождать в них готовность отдать свои жизни при защите Советской республики. Этот очаг политического и экономического воспитания воинов имеет особую важность и сейчас.

Мне вспоминается такой случай. Однажды по неосторожности в ленинском уголке разбились стекло. С улицы позвали стекольщика. Старик вошел в ленинголок, вытянулся и гаркнул:

— Здравия желаем!

Ему ответили. Он внимательно смотрел вокруг и удивлялся. Красноармейцы читали газеты и книги, обсуждали заметки в стенгазете, командир играл в шашки с бойцом.

— Да,— задумчиво проговорил стекольщик,— в наше время ничего такого не было.

— Расскажите,— слышались голоса. Стекольщик начал:

— Меня уволили по ранению и с тех пор в казарме не бывал. За чтение газет на каторгу ссылали. После занятий сидишь на койке, как истукан, веселиться запрещали. В праздники ходили на базар, в субботу — строем в церковь. Били нас здорово, материли, некоторые не выдерживали, накладывали на себя руки.

Старика подвели к стенной газете и стали читать заметки. Он засмеялся:

— Да кто же это пишет?

— Наши военкоры.

— А-а,— протянул гость, хотя видно было, что он не знал, кто такие военкоры. Ему объяснили. Стекольщик вставил окно и попросил разрешения посидеть в лугулке. До самого до отбоя был он с бойцами.

Сложными вопросами были ликвидация неграмотности, повышение культурного уровня и борьба с пережитками прошлого.

Процент неграмотности после прихода новобранцев в киргизскую воинскую часть доходил до 85—90 процентов. Иначе на 100 кызыл-аскеров в 1926—1928 годах приходилось грамотных и малограмотных 10—15 человек и 80—85 безграмотных. В последующие годы процент неграмотности пошел на убыль. Так, в 1930 году процент неграмотности для Киргизского дивизиона составил 43,3 процента. Членов и кандидатов в ВКП(б) из 200 человек прибывших — 36 человек и комсомольцев 139 человек. Тогда как из этого же числа прибывшего пополнения в начале 1928 года коммунистов и кандидатов было 11 человек, комсомольцев — 82 человека, неграмотных — более 65 процентов.

Но мало было ликвидировать безграмотность, стояла задача научить красноармейца читать книжку, газеты и листовки, плакаты. Без этого бессмысленно политическое воспитание.

Многие комсомольцы устремились в национальные части, рассматривая их как общеобразовательную и политическую школу, потому что крайне ограниченное количество школ не могло вместить желающих учиться и поэтому киргизские военные формирования на протяже-

нии пяти лет принимали в свои ряды большой процент неграмотных и малограмотных комсомольцев.

Киргизские воинские части сумели вписать в историю Красной Армии немало победных страниц, хорошо показали себя в гражданскую войну, в войне с басмачеством, на мирном, трудовом и культурном фронтах.

Площадь, манеж и казармы военного городка и манежа были расположены на углу улиц Токтогула и Логвиненко. Здесь в 1918 году для борьбы с белыми войсками и мятежниками формировался первый Киргизский полк под командованием Я. Н. Логвиненко. Площадь была просторной, чистой. Она встречала новобранцев, и она же провожала их, когда кончался срок службы.

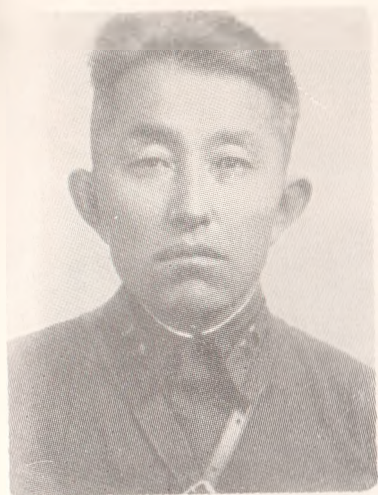
С этой площади уходили в бой с врагами народа киргизские части. Сюда приходили каждый год молодые воины, они сменяли своих старших товарищей у винтовок, пулеметов, у боевых коней.

На ее квадрате с подъема до отбоя не смолкала ритмичная жизнь воина-кавалериста, здесь обучались лихому мастерству владения конем, саблей и винтовкой. Здесь каждый день слышны были команды «Смирно!» Раз два левой! Тверже ногу! Рысью марш! Вольт налево, вольт направо! Слезай! Садись! Руби!»

К вечеру ныли мышцы. От каждодневной и напряженной учебы темнели от пота брюки и гимнастерки. Но чем больше напрягался кавалерист, тем больше познавал.

Неподалеку, всего лишь в пяти километрах от города Фрунзе, где теперь находится аэропорт, ежегодно разворачивался полотняный городок Киргизской национальной части. Здесь командиры и политработники укрепляли боевую мощь своей части, день и ночь здесь шла полевая выучка. Из своих лагерей Киргизская часть почти ежегодно уходила для стажировки и взаимодействия с другими родами войск в Троицкие лагеря, находящиеся под Ташкентом.

Забегу вперед и расскажу о событии, которое неожиданно, сразу изменило каждодневный привычный ритм жизни и быта воинской части. Таким событием для Фрунзенского гарнизона явилось прибытие в военный городок командующего войсками К. А. Авксентьевского. Он решил посмотреть боевую подготовку Киргизской части. Это было осенью 1927 года.



Мамыркул Чукеев — доброво-  
лец Киргизского национального  
полка (1927 год).



Арыстаналы Осмонбеков —  
командир Кара-Киргизского  
кавалерийского дивизиона.  
В 1920 году за боевые заслуги  
в борьбе с басмачеством наг-  
ражден орденом Красного  
Знамени.



Имаш Токбаев — участник  
гражданской войны.



Кадыркул Качкеев — бывший  
старшина дивизионной школы.



Ветераны гражданской и Великой Отечественной войн.

В наши дни встретились ветераны Киргизского кавалерийского дивизиона. (В центре — автор книги).



Командующий сразу направился на кухню. Дежурного на месте не оказалось. Смуглый, круглолицый повар при докладе растерялся и не знал, с чего начинать, увидя перед собой рослого, широкоплечего, подтянутого начальника, в петлицах которого были ромбы, а на груди — боевые ордена.

Командующий улыбнулся.

— Как вас зовут, товарищ?

— Повар Ишманбеков. Вот уже второй год служу.

— Что повар, вижу по халату и колпаку. А стрелять умеете, верховой ездой занимаетесь, грамоте учитесь?

— На лошади ездить умею, а стрелять метко, наверное, не сумею, немножко научился читать и писать.

— В армию приходят для того, чтобы научиться стрелять из винтовки и пулемета, владеть конем и холодным оружием, быть отличным джигитом... А нельзя ли попробовать из того, что у вас парится и варится? Может, для начальства готовите особо?..

— Нет,— ответил повар,— этого наш командир не допускает, он часто здесь бывает.

Повар черпаком помешал суп, зачерпнул и палил в миску. Командующий попробовал, потом отведал картошки с мясом.

— Ну, что же, приготовлено хорошо.— Командующий протянул руку повару.— Молодец.

— Служу Советскому Союзу!..

Из кухни командующий пошел на плац. Направляясь в конюшню, он увидел красноармейцев, сидящих на земле возле пулемета «Максим». Командир взвода неторопливо рассказывал, кое-кто из красноармейцев дремал. Увидев командующего, взводный быстро поднялся, намереваясь доложить, но Авксентьевский остановил его. Командующий вытащил свой носовой платок и попросил завязать глаза.

— Смотрите! — приказал он и стал разбирать замок, называя части и их назначение. Затем попросил смешать все части замка. После этого командующий быстро собрал замок, вложил в пулемет и снял повязку. Пулеметчики призадумались.

Вечером собрались красноармейцы эскадрона и курсанты школы, весь комполитсостав военного городка, чтобы послушать командующего. Он подвел итоги, на-

слушал жалобы и просьбы, заверил, что во всем разберется и окажет помощь.

— Стреляете вы неважно, да и недолюбливаете стрелковое дело. Правда, на коне сидите хорошо, ездите смело, сноровисто. Рубка лозы, вольтижировка желает лучшего. Однако отдельные всадники лихо рубят и владеют пикой, приучились сидеть на драгунских седлах — это похвально.

За вами,— продолжал командующий,— пристально следит Военный Совет и штаб округа. Ваши части, вероятно, будут участвовать в окружных маневрах, к ним надо хорошенько подготовиться, палечь на тактическую подготовку одиночного бойца, отделения, взвода. Я одобряю элементы методики и тактики, которые у вас здесь практикуются.

Среди боевых соратников М. В. Фрунзе К. А. Авксентьевский занимает особое место. В одном из военно-исторических журналов за 1967 год сообщается: Константи́н Алексе́евич Авксентьевский родился в 1890 году в Вологодской губернии. В первую мировую войну стал офицером. В 1917 году вступил в партию большевиков, был облвоенкомом, в гражданскую войну командовал армиями, был заместителем М. В. Фрунзе. Три с лишним года пробыл в Туркестане, командуя фронтом и округом. Под его руководством были проведены первые большие окружные маневры. За подвиги в гражданскую войну награжден тремя орденами Боевого Красного Знамени. За руководство борьбой с басмачеством и организацию воинских национальных формирований в Азии имел награды от ряда правительств Среднеазиатских республик, в том числе серебряную шашку с дарственной надписью — от правительства Киргизии. Он неоднократно избирался депутатом союзных республик и Верховного Совета СССР.

Командовал Краснознаменной Кавказской армией. В 1931 году после тяжелой болезни умер. В Вологде одна из улиц носит его имя.

В 1928—1929 годах проходили военные учения. В последний день учений «синие» вгрызлись в оборонительную полосу «красных». «Красные», уступающие численно, отходили шаг за шагом, применяя контратаки на выгодных рубежах. Станковые, ручные пулеметы и небольшая артиллерийская группа задерживали натиск

«синих». Задача заключалась для одной стороны «выйти из боя», для другой — организовать преследование. «Красные» ждут ночи, чтобы оторваться от наседавшего противника и отойти организованно. Время идет, «красные» волнуются, а солнце медленно клонится к горизонту, «синие» решают добиться успеха пока светло. Прикрываясь дувалами и построениями кишлаков, Киргизский кавалерийский дивизион готовился для внезапного флангового удара. Тяжесть боя лежала на плечах одной пехоты, силу ей придавали пулеметы и артиллерия.

Спустились сумерки, вот-вот может наступить момент, когда бой ослабеет и «красные» смогут оторваться и уйти от «синих». Командир «синих» нацеливает свой эскадрон во фланг отходящей пехоты «красных».

— Эскадроны, шашки к бою! В атаку — марш!

Снятые с выюков пулеметы открыли огонь. А вскоре пад долиной послышалось красноармейское «ура!» Навстречу коннице «синих» мчался отряд «красных». Успех конной атаки «синих» был бы сомнительным, если бы не второй эшелон «синих», который уже втянулся в бой и нацеливался на конный отряд «красных». Киргизская конница вела бой комбинированно в пешем и конном строях. Наступившая темнота помешала разыграть дальнейший ход этого интересного этапа боя.

Подобные маневры широко применялись нашими войсками в Великой Отечественной войне при поддержке танков и авиации.

За этот бой, хорошую полевую выучку Киргизский кавдивизион и другие части, взаимодействующие с ним, получили высокую оценку командующего войсками. Маневры показали возросшую боевую готовность личного состава дивизиона, его высокую политическую зрелость, выносливость и дисциплинированность.

На площади часто проходили конно-спортивные состязания. Обычно на больших состязаниях присутствовали правительством республики, гости из аулов и горожане. Конь несется стрелой, сверкают клинки и под общий шум и восторг отвесно падают срубленные головки лоз. Закончилась рубка, все смеются над пожилым киргизом, подражающим кызыл-аскерам. Подъезжая к каждой лозе он ударяет ее камчой. Лошадь относит всадника в сторону.

Спортивные состязания кончались играми, в которых непосредственное участие принимали жители, прибывшие из аулов, родственники, знакомые красноармейцев.

Лихие были джигиты, удалые конники, виртуозные рубаки. К ним можно отнести начальника полковой школы И. Мурова, командира взвода Дурмухамедова, Б. Доскенова, младших командиров — А. Абдыбекова, К. Качкеева, О. Лайлиева, И. Осмонова, Т. Усупбекова. Особой виртуозностью отличался К. Абдыбеков.

С каждым годом разрядники по скачкам, по преодолению препятствий и рубке численно росли, не говоря о безусловном выполнении всеми кызыл-аскерами требований по этому виду боевой подготовки.

Каждое большое конно-спортивное выступление и показательные тактические учения со стрельбой в городском дубовом парке приурочивались к знаменательным, праздничным датам страны. Обычно они заканчивались осмотром казарм, конюшен и торжественным обедом из красноармейского котла.

Смычка киргизской воинской части с местным населением была тесной. Организовывались агитпоездки в кантоны и волости «с красными повозками», оказывалась помощь по устройству общественных мероприятий, по культурно-политической работе. Пропагандисты части разъясняли события в стране и республике, очередные задачи Советской власти, принимали жалобы и заявления, давали справки. Повозка была разукрашена плакатами, снабжена книгами и брошюрами, газетами.

«Красная повозка» настолько завоевала авторитет, что с разных кантонов и волостей поступали заявки. Застрельщиками этих мероприятий были парторганизация и комсомол части.

Вокруг военного городка всегда толпились киргизы и киргизки, которые с любопытством разглядывали, как учатся их сыновья, братья, знакомые.

В первые три года, несмотря на крайне неблагоприятную обстановку в стране, за сравнительно короткий срок в строительстве молодой киргизской национальной части достигнуты большие успехи. Этому способствовала большая помощь партийных, советских и общественных организаций. Уже к десятой годовщине РККА Киргизская часть во многом сравнялась с другими частями. Жили, правда, в недостатках, не было электрического

освещения, но ни у кого, никогда не было упаднического настроения, никто не хныкал, не унывал.

С 1925 по 1928 год ликвидировали неграмотность в год по 80—100 человек и в последующие годы по — 200 человек, а за пятилетие военного строительства — более 1000 человек. По тем временам это была большая победа.

В конце 1928 года при Киркавдивизионе была создана общеобразовательная школа. Всемерную помощь в ликвидации неграмотности оказывали партийные и советские организации, в частности, привлекались в порядке шефства учителя, школа была снабжена учебниками и всеми письменными принадлежностями.

В 1927 году почетным красноармейцем был избран Абдыкадыр Уразбеков, который много лет возглавлял Верховный Совет Киргизстана. Во время формирования Киргизского дивизиона в 1928 году он посетил военный городок. Его сопровождал почетный курсант — начальник территориального Управления Киргизии Руси. Был выстроен караул с оркестром.

Товарищ Уразбеков посмотрел расквартирование дивизиона и новый план строительства. Затем попросил собрать «стариков» и новобранцев. К этому времени в дивизионе оформилась партийная организация, состоящая из трех партийных ячеек. Комсомольцев насчитывалось 200 человек. В 1929 году рост партийной организации значительно поднялся за счет комсомольцев и батраков. Членов партии было 36 и кандидатов 46. В дивизионе проходило службу двенадцать национальностей, из них 80 процентов киргизов.

Собравшиеся восторженно встретили Уразбекова, он попросил слова, говорил страстно и увлекательно:

— Если вы хотите, чтобы наше государство было экономически крепким, культурным, чтобы мы жили в братстве с другими народами, будьте готовы к защите. Надо всегда любить свое оружие, научиться в совершенстве управлять конем, саблей. Кызыл-аскер должен и обязан овладеть грамотой, быть общественником, а вернувшись домой, нести новое своим землякам. Мы надеемся, что эти поручения партии вами будут выполнены.

В заключение товарищ Уразбеков призвал личный

состав быть преданным своей Родине, Коммунистической партии и воинской присяге.

Торжественными днями были те дни, когда часть посещало правительство и секретари ЦК партии Киргизии, когда воины принимали воинскую присягу на площади.

Колонны демонстрантов восторженно приветствовали своих воинов, своих сыновей и братьев, которые давали клятву правительству и народу верой и правдой служить своей Родине, защищать ее до последней капли крови.

В 1926 году из 126 уволенных кызыл-аскеров, в том числе 33 младших командиров, призыва 1903 года (из них членов ВКП(б) 29 человек, комсомольцев 60 человек) были избранными председателями сельсовета 11 человек, секретарями волостных исполкомов 9 человек, в городские Советы 13 человек, избрано судьями 12 человек, направлено на руководящую работу в милицию, советские учреждения, профсоюз и «Кошчи» — 34 человека. Принято на учебу в Вуз 25 человек, на курсы советских работников — 11 человек, инструкторами обкомов комсомола — 4 человека. Осталось служить на сверхсрочную службу 7 человек. А по данным центральной избирательной комиссии в избирательную перевыборную кампанию 1928—1929 года по всей Киргизии из демобилизованных Киргизской части оказались избранными председателями ВИКов 26 человек, председателями кантопов и их заместителями — 24 человека, председателями горсовета и членами горсовета — 101 человек, председателями сельсовета — 89 человек, членами сельсовета 665 человек. Депутатами Верховного Совета республики — 4 человека. Окончили курсы советских работников — 50 человек. На партийную работу в города и районы было направлено 83 коммуниста.

Воспитанники Киргизской части из числа рядового и младшего комсостава после увольнения в запас занимали высокие партийные и государственные посты в республике.

Не представляется возможным назвать имена всех тех, кто еще до сего времени продолжает работать и приносить посильную пользу в народном хозяйстве, в общественной и военно-патриотической работе.

Мне запомнились замечательные командиры и политработники, хозяйственный и медицинский персонал, которые впервые столкнулись с комплектованием, формированием, обучением и воспитанием киргизской конницы: А. Х. Вахитов, П. В. Вахалов, военком школы Машев, политрук Саролинов, командиры взводов Даскенов, Дормухамедов, Сагитов, Мукашев, Алиев, Кузенбаев, врач Еремеев, лепком Кейс, ветврач Цветков, зав. делом производством Лопатников, адъютант Басов, командир музвзвода Левендо, сверхсрочники Букин и Жуитов.



По заданию ЦК ВЛКСМ и Советского комитета ветеранов войны мне часто приходится бывать в колхозах, на заводах, в школах, воинских частях, рассказывать о величии подвига советского народа в гражданскую и Великую Отечественную войны. Был я в местах, где в 1918 году красноармейский отряд Мамонтова устанавливал Советскую власть. Ездил в Новосибирск и Омск, чтобы встретиться с героями-сибиряками, с которыми я воевал против немецко-фашистских захватчиков.

Поразил меня Новосибирск, раскинувшийся по обеим берегам реки Обь. Вырос прекрасный, утопающий в сосновом бору академгородок. Город не перестает строиться. Сибиряки гордятся своим настоящим и свято чтят память сибиряков, павших в боях.

Несколько раз я бывал в Алма-Ате и Фрунзе. Былая провинциальная тишина в столице Киргизии сменилась шумным потоком машин, гулом летающих самолетов. На месте нынешнего аэродрома когда-то находились воинские лагеря. Пыльные узенькие улицы превратились в широкие, асфальтированные проспекты с многоэтажными домами. Где бы я ни был, меня всюду радовало, что старый и малый не забывает о героях гражданской и Великой Отечественной войн, погибших в борьбе за счастье, свободу и независимость нашей Родины. Это наполняет сердце твердой уверенностью, что молодое поколение в трудную минуту не пожалеет своей жизни в борьбе за правое дело.

## СОДЕРЖАНИЕ

|                                        |    |
|----------------------------------------|----|
| Юность наша боевая . . . . .           | 3  |
| Этих дней не смолкнет слава... . . . . | 33 |

**Василий Александрович Калачев**

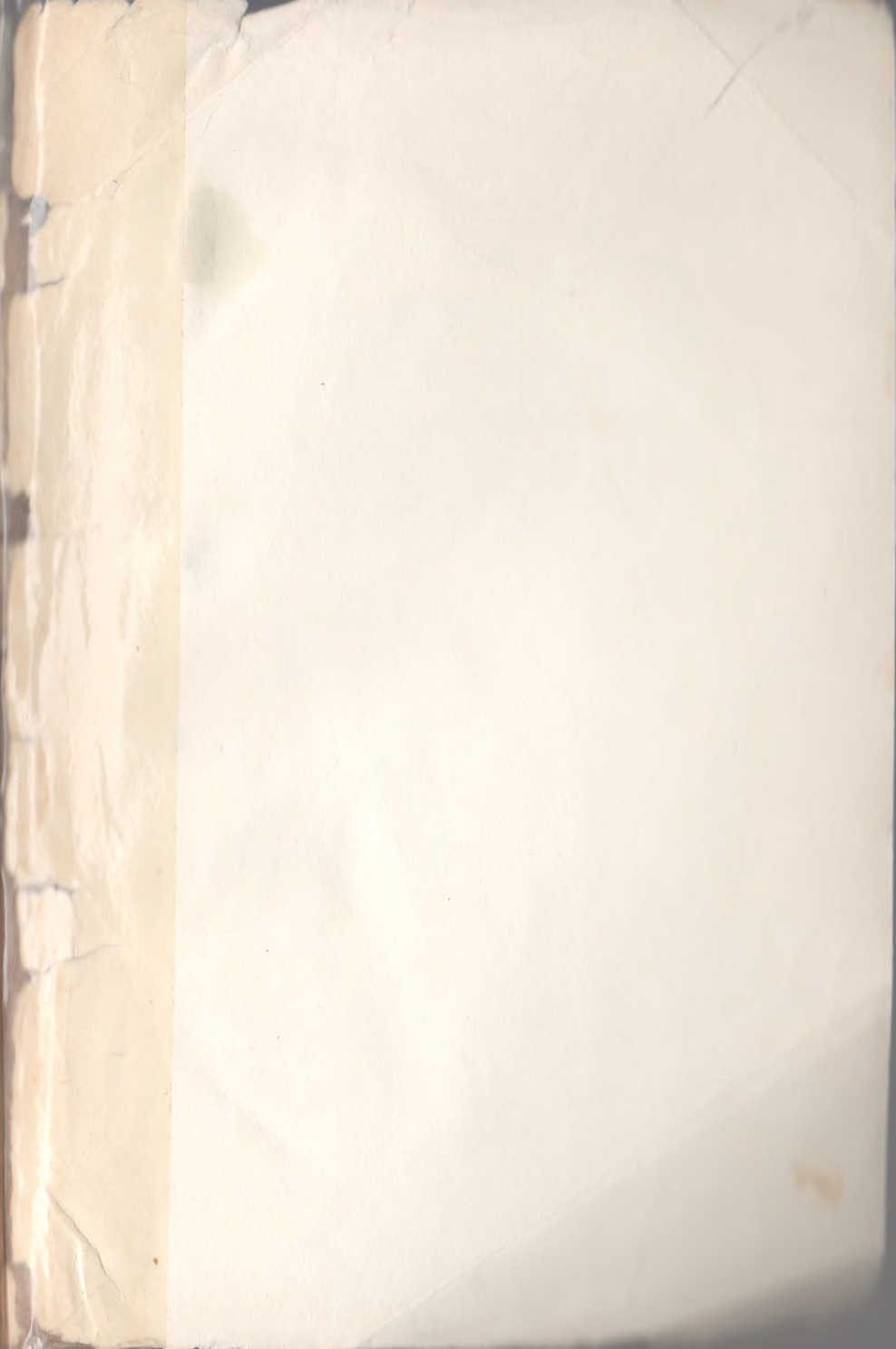
СОЛДАТЫ КИРГИЗИИ

(В огненном кольце)

Редактор *В. М. Бобылев*  
Художник *Ю. Соломакин*  
Худож. редактор *И. А. Ефимов*  
Технич. редактор *Г. Шаршекеева*  
Корректор *Р. Шингасова*

Сдано в набор 26/VI-1974 г. Подписано к печати  
6/XI-1974 г. Д-03379. Бумага типографская № 3;  
формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>, 2,5 физич. печ. л., 4,20 условн.  
печ. л., 4,31 учег.-изд. л. Тираж 12000.  
Заказ № 2427. Цена 15 к.

720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102.  
Киргизполиграфкомбинат Госкомитета Совета  
Министров Киргизской ССР по делам издательств,  
полиграфии и книжной торговли.



5-40.

~~15 K~~